

ВИКТОР ГИЛЁВ
ИДУЩИМ
ВСЛЕД

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

Сузун
2021

ББК 39.20

Г 24

Инициаторы проекта:

Целько А. В., Аксёненко С. В.

Редакторы:

Александров Н. А., Кирпиченко В. И.

Гилёв В. П.

Г 24 Идущим вслед: Автобиографическая повесть.
– Сузун: Издательский Дом «Историческое на-
следие Сибири», 2021. – 164 с.

В автобиографической повести рассказывается о жизни села, о его жителях, тружениках, их заботах и судьбах.

ISBN 5–86272–120–7

© Гилёв Виктор Павлович, 2021

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель! В своей книге я, конечно, что-то да упустил, и невозможно, наверное, рассказать всё и обо всех, столько событий произошло в разные периоды жизни. Был созидательный труд в совхозе еще в советские времена, потом череда реорганизаций и новых юридических форм хозяйствования. Пришлось поработать с разными людьми: с тысячами и тысячами свела меня судьба, кто-то подчинялся мне, кому-то подчинялся я, с кем-то находил общий язык, с кем-то остались непримиримыми врагами. Мы были искренними и честными даже в своих заблуждениях. Но главный вывод такой: каждый человек должен занимать свое место в жизни и много работать ради общей цели – приумножения доброты и добра.

Жизнь прожита, и уже с высоты своих лет я попытался не только вспомнить, но и проанализировать и сравнить дни прошлые с сегодняшним днем: что хотели, что создавали и что в итоге получилось.

В книге я только рассказываю и размышляю, но ни в коем случае не хочу быть судьей ни людям, ни эпохе, ни себе.

Виктор Гилёв

*Уходят в прошлое деревни,
К закату клонится их день.
Как нету леса без деревьев,
России нет без деревень!*

*Мы сами бросили деревни,
Мы сами вырубили лес,
И на земле святой и древней
Глухая тишь стоит окрест.*

*Ничьё не празднуют рождение,
Покосы некому косить...
Как больно слово «вырождение»
Сегодня мне произносить!*

В. Гилёв

Вместо предисловия

РОДСТВЕННАЯ ДУША

С Виктором Павловичем Гилёвым мы познакомились давно, в период, когда я работал начальником Управления финансов и налоговой политики администрации Новосибирской области, и мне приходилось ездить по районам и разъяснять главам районов, руководителям предприятий и хозяйств, как будут меняться межбюджетные отношения, потому что в то время начали перераспределяться бюджетные полномочия. На такие совещания собирали районный актив и рассказывали, кто теперь и за что будет отвечать: кто – за ЖКХ, кто – за сельское хозяйство, откуда и как будут двигаться денежные средства и как это всё будет выглядеть. Есть же китайская поговорка: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен», – так вот, нас эта эпоха сильно коснулась. В начале двухтысячных годов Новосибирская область оказалась в федеральном эксперименте: на нас опробовались некоторые законы – как они будут работать.

И на первой же встрече Виктор Павлович запомнился мне как активный человек, который начал задавать чёткие, конкретные вопросы: как будет то или это и куда при этом бежать доярке или

слесарю, а куда бежать учителю, чтобы решить тот или иной бытовой вопрос. То есть сразу чувствовался основательный опыт руководителя предприятия. Кстати, на тот момент его хозяйство имело около тридцати тысяч гектаров пашни, только что построенный молочный завод, производящий масло и сыр, огромное поголовье скота. Была создана и успешно работала вся социальная номенклатура: детский сад, школа, больница и даже – кладбище. Было видно, что в круг своих обязанностей руководитель включал заботу не только о производстве, но и о семьях своих работников. На территории этого хозяйства разместилось несколько сёл и деревень с центром в крупном муниципальном образовании Битки. И для меня становилось очевидным, что этим хозяйством руководит человек с активной жизненной позицией, человек неравнодушный, человек, которого беспокоят результаты наступающих перемен.

Как правило, многие молчат на таких совещаниях, слушают, записывают, а потом у них всё идёт наперекосяк. А вот в Сузунском районе сложилась очень интересная ситуация. И глава района Шишкин Николай Федорович, и директор «Битков» Гилёв Виктор Павлович очень внимательно, подробно и даже дотошно расспрашивали всё до мелочей. Ну и, как положено, после таких мероприятий накрыли круглый стол с чаем и не только. И там мы разговорились на житейские темы, и Виктор Павлович оказался для меня каким-то своим – родственной душой, потому что, в моём понимании, в жизни мелочей нет, потому что вся жизнь состоит из мелочей. И когда человек обращает внимание на «мелочи», касающиеся не только крупного хозяйства, но и конкретного человека, а потом начинает прораба-

тивать дорожные карты – что и как делать, чтобы минимизировать потери в различных жизненных ситуациях, – такие основательные люди вызывают у меня глубочайшее уважение. Виктор Павлович основателен, как фундамент электростанции, которая дает свет и тепло людям.

Потом мы начали дружить. Мы обменялись телефонами, стали созваниваться. Как-то он мне говорит: «Если Вы, Сергей Васильевич, чего не знаете про нашу деревенскую жизнь, я всегда готов Вам рассказать, а если потребуется, то и объяснить». Я не раз спрашивал его о некоторых нюансах, когда мы заходили в тупик, проводя мероприятия по реконструкции полномочий внутри субъектов Российской Федерации. Ну а что касается дружеских отношений: раз повстречались, два повстречались, три повстречались... и подружились, потому что души у нас родственные.

Шло время, и мы вдруг поняли ценность, и не просто ценность, а бесценность таких руководителей, как Виктор Павлович Гилёв, для которых человек и человеческая жизнь всегда были и будут выше и важнее любой прибыли.

В нашей книге мы постарались рассказать и зафиксировать бесценный опыт жизни и судьбы Гилёва, который непременно должен стать ориентиром для будущих поколений, для их счастливой жизни.

Сергей Аксёненко

Дети и внуки

Книгу хочу начать не с прошлого, а с будущего – со своих любимых внуков, с тех, кому и посвящена книга о прошлом, – чтобы помнили, знали и продолжили наши славные дела, чтобы учли наши ошибки и не повторили их. Именно поэтому я рассказывал о своей жизни честно, а о жизни своих близких и товарищей – правдиво и искренне.

Внуки – любимые, дорогие – два внука и две внучки, выходят в жизнь по правильной дороге.

Старшая внучка Настя, ей сейчас двадцать шесть лет, закончила Нархоз по специальности «кредитно-банковская система», её пригласили в Москву, живёт и работает там, в Москве, вышла замуж.

Второй внук, Саша Гилёв, ему двадцать лет, – хоккеист. Играл за «Сибирь», потом – в Америке практиковался. Потом поступил в Новосибирский педуниверситет. Сейчас он подписал контракт с Оренбургом, играет за команду «Сармат» и одновременно учится в педуниверситете. Дочь Оля, расторгая брак с мужем Алексеем, попросила его согласие на то, чтобы оставить за собой свою прежнюю фамилию и чтобы сын тоже был по фамилии Гилёв. Зять Алексей, чувствуя свою вину, довольно легко дал на это согласие, поэтому Саша – тоже Гилёв.

Третья внучка – Ева, ей тринадцать лет, живёт в Новосибирске, занимается аэробикой. Кандидат в мастера спорта, сейчас выполнила норматив мастера спорта. Но до пятнадцати лет это звание не присваивают, придётся подождать. Выступает за сборную города.

И четвёртый внук – Максим. Ему одиннадцать лет, тоже хоккеист, тренируется в детской команде, его папа – тренер молодежной команды.

Мои дети – Наташа и Оля.

Наташа, старшая дочь, родилась в 1972 году, окончила торговый институт, работает риелтором в городе.

Оля закончила сельхозинститут, бухгалтер-экономист. Недавно получила второе образование – психолог. Теперь она занимается этим: психология ей ближе.

Мои родители

Я родился в селе Мало-Мальшовка Сузунского района в 1946 году.

Папа, Маринин Павел Иванович, воевал с первых дней войны снайпером, получил ранение, левая нога не давала ему покоя до самой смерти, сохла и не слушалась. Его демобилизовали из действующей армии и призвали в трудармию, направили в Сибирь поднимать сельское хозяйство. В его первой семье было шесть ребятишек. Жена побывала в Сибири до конца войны, а потом и говорит: «Оставляю тебе трёх ребятишек, троих забираю», – и уехала обратно в Курскую область. Оставшиеся дети, подрастая, поняли, что Сибирь – это не для них, уж очень суровые и долгие зимы, и тоже уехали к матери.

Отец женился второй раз – на моей маме, Гилёвой Серафиме Григорьевне. Она моложе отца на девятнадцать лет. Но, сколько я помню, в нашей семье всегда был лад. Поскольку папа не расторг первый брак, я остался на фамилии мамы – Гилёв.

Папа был председателем колхоза, после укрупнения остался бригадиром. Мама работала в селе, была «кулаченная». Семью моей мамы раскулачили и сослали в Нарым. Хозяйство было добротным. Где-то сохранились фотографии, на которых её «братовья» – там такие крупные, здоровые бородачи, ребята что надо. Их забрали на войну, Первую мировую, – и всё. Никто ничего не знает. Пропали без вести.

Мама вместе с родителями оказалась в Нарыме, а потом – здесь, в Сузунском районе. Её, шестилетнюю, подобрала тётка Варвара, у которой мама и жила. Позже мама, Серафима Григорьевна, когда повзрослела, работала в тракторно-полеводческой бригаде, развозила на лошади топливо и заправляла в поле трактора, замеряла объем выполненных механизаторами работ. А позже работала в единственном в деревне магазине. Вышла замуж. Мужа взяли на фронт, и там в Китае что-то случилось, его задержали, и он оттуда написал маме: «Устраивай свою жизнь, я тут «заработал» лет двадцать пять». Когда он вернулся через какое-то время, мама была уже замужем за Павлом Ивановичем Марининым – моим папой. Началось строительство новой семьи. У мамы с папой нас родилось в общей сложности семеро ребятшек: старший – я (1946 год), Нина (1948), Зоя (1950), Коля (1953), Миша (1956), Вася (1958), Толя (1961).

Мой отец Павел Иванович Маринин (1902–1967) приехал из Курска, русский.

Я-то сам помню, как он работал бригадиром комплексной бригады. Это в пятидесятые годы. А он рассказывал о военном времени, когда он работал председателем. Тогда хозяйства были мелкими, одно из них – Каргаполово. Это на Оби, там

была пристань. В 1941 году осенью на пароходе привезли поволжских немцев...

В своё время отец мне рассказывал: «Вот привезли их – измождённых, голодных, потому что везли очень долго. Мне сказали, что их надо разместить и трудоустроить. И вот я поставил одного немца, он немного русский язык знал, Александра Карловича Гольцгаузе, бригадиром на свиноферму и говорю ему: «Давай так: ты зарежь поросёнка и накорми своих людей, а то совсем отощали». Александр Карлович так и сделал. А в то время в каждой деревне были «уполномоченные», которые приглядывали за порядком, и такой уполномоченный стуканул в НКВД, и отца посадили на два года за эту свинью.

Я потом, когда уже подросток, знал этого человека, который на отца настучал: Потанин его фамилия, а звали, кажется, Гоша... точно не помню, но морда такая... очень противная морда. Отец отсидел два года в городе. За подобное самоуправство, какое папа совершил, отдав немцам свинью, ему грозило десять лет, потому что всякое воровство или самоволие приравнивалось к предательству Родины. Вот почему судили так строго по 58-й статье, вот почему много людей отбывали эту статью, не будучи фактически предателями или антисоветчиками. Кто-то попадал за килограмм пшеницы, кто-то за колоски, но воровство и самоуправство в те годы было искоренено. Люди знали, что наказание будет суровым. Мама рассказывала, что до Новосибирска, где отбывал срок папа, носила передачи пешком: где подьедет, где как, была ещё молода и легка на ногу.

По прошествии уже многих лет помню, на одной из свиноферм бригадиром работал Александр Карлович Гольцгаузе – это именно тот немец, с ко-

торым потом мой отец дружил всю жизнь. И однажды, в 1968 году, когда я вернулся из армии, встретил его на улице. Он пригласил в комнату, что-то объяснял своим на немецком, называя фамилию Маринин. Встала бабушка лет под девяносто и говорит: «Гут, гут, гут!», улыбается, слезу старческую со щеки стирает и кланяется мне. Но это было в 1968 году, отца уже год как не было в живых.

Вернувшись из тюрьмы, отец работал бригадиром. Мы ездили с ним по покосам. По характеру он был вспыльчивый, эмоциональный человек. Как вскипит, даст нагоняй нерадивому работнику – и работа, глядишь, наладилась. Я порой тоже завожусь – видимо, в отца.

Отцу ходить было тяжело, не мог ступать на раненую ногу, потому он всё время ездил на «ходке» – это такая плетёная кошёвка, в ней сено. Было жестковато: там же жерди, плетёная лоза, а колёса-то жёсткие, – да по корневищам и колдобинам. Но такие поездки были как праздник. Особенно зимой: на полозьях не трясёт, на сене мягко, а в тулупе тепло. Приедем куда, где много детей на улице, отец мне говорит: «Вить, давай сборись с кем-нибудь!»

Он гордился моими победами, ведь он научил меня этому – бросать через бедро. Мне тогда было лет пять-шесть.

Отработав своё, папа пошёл на пенсию и последнее время сторожил. Поддерживал нас всех. Мною он гордился. Когда из армии получал благодарственные письма, он их носил в кармане и показывал фото, читал выдержки из письма. Гордился и позже, когда я окончил школу механизации, и потом, когда я как ударник работал на тракторе. Мы зимой возили сено из-за Оби. На тракторе работали

вдвоём. Когда была моя смена, я день использовал сполна – посветлу вытаскивал через Обь сено к дороге, потому что видно. А ночью цепляешь – и по дороге с включёнными фарами. Это уже и быстрее, и легче. Нам надо было успеть вывезти. Это такая забота, что, если мы не вывезем, то потом лёд уже тонкий. В декабре начинаешь вывозить, а в конце февраля уже возить нельзя: наледь. Ведь столько людей потопили: если трактор под лёд ушёл, считай, всё пропало... Я за сутки вывозил столько, сколько не вывозило два трактора, вот я и ходил в передовиках, а отец радовался за меня!

Работа на вывозке сена из-за реки Оби производилась не одним трактором, а пятью-шестью посменно в любую погоду, как только вставала река. В вывозке кормов участвовали механизаторы Крымские Григорий Васильевич и Иван Васильевич, Плотников Леонид Максимович, Романов Григорий Семенович и другие, все они были значительно старше меня, а наставником был у меня Светашов Николай.

Косили за Обью, на противоположном берегу, потому что тогда не разрешали косить на полях севооборота. Никаких многолетних трав еще не было, косили только на естественных лугах. А луга – на той стороне. Летом надо было перевезти людей на лодках, чтобы косить. До ста человек перевозили. Хорошо жили, потому что дружно. И знали, что будущее зависит только от нас. И когда сегодня я слышу по телевизору рассуждения некоторых людей про Ленина и Сталина – это выглядит смешно и глупо, потому что они не знают правды, а правда была в счастье людей, в их труде и строгости жизни. И еще вот эта какая-то нездоровая обида на прошлое: то раскулаченные, то депортированные, и

судят, судят, судят... А отец мой, раненный немцем, пришедшим на нашу землю, а потом еще и отсидевший в тюрьме за заботу о немцах, а более об их детях, был самым счастливым человеком, потому что обиды не держал, не слышал я от него ни единого слова обиды, а друг немцем был. Почему так? А потому, что мудр был мой отец, жизнь знал, людей любил. Да, университетов не оканчивал, не учился он в университетах, а умом владел великим, человеческим.

Мама я помню молодую. Она работала продавцом. Всё там, в магазине, делали сами: сами отапливали, сами за товаром ездили и разгружали сами. Помню, в подвалах керосин для продажи – его надо было накачать, и печку надо растопить-затопить, и за прилавок надо – торговать. Сначала мама работала одна, а потом девочку дали ей в помощники. А девочку ту звали Тамара Алексеевна Коврова, впоследствии она вышла замуж и стала Савиной. Всё это – в деревне Мало-Мальшовка. Единственный на две деревни магазин стоял на бугре, на границе Мало-Мальшовки с Зорино. Эти деревни соседствовали совсем рядом и не разделялись; где-то, я думаю, дворов сто пятьдесят. Маме и болеть-то было нельзя – только один день, и всё: магазин не закроешь. А магазин, считай, всю ночь не закрывался. К кому-то приехали гости – приходят в два ночи, в любое время, – и в дом, у нас двери и по ночам не запирались, и кричат с порога: «Григорьевна, выручай!». Ну, что ж делать... Деревня друг без друга не жила, жили общей заботой.

Мама просит отца: «Павел, возьми ключи, в складе зайдёшь – налево стоит водка «Московская», там на обороте – два восемьдесят семь, а направо вино – рупь тридцать две». А когда я подрос, меня

отправляла в магазин: «Сбегай, там-то лежит то-то, сделай вот это».

А контора торговая помещалась в Малышево, за десять километров от Зорино, и когда у них собрание, она меня с собой брала. А на чём ехать-то? Где пешком, где за возом бежим. Мне не хотелось сидеть дома, вот мама и брала с собой: где-то за руку тащит, где-то – на закорках, вот так всегда обо мне беспокоилась.

А когда я уже учился в училище, на практике был, меня поставили работать на трактор, я хорошо заработал. Мама удивилась:

– У-у! Какие хорошие денежки! – и папе говорит:

– А давай сыночку мотоцикл купим!

И купили мне мотоцикл «Ковровец».

– Ты теперь будешь меня возить с отчётом в Малышево, – говорит мама. – Я потаскала тебя на горбушке, теперь твоя очередь.

Один раз со мной съездила и говорит:

– Нет, я с тобой больше не поеду – ты головой вертишь, на красивых девушек смотришь, а дорога в другой стороне.

Когда я уехал учиться в училище, на ней держался весь дом – столько детей и хозяйство – корова, огород, куры, утки и всё такое. Надо было огород поливать, а воду таскали с речки на коромысле. Зимой-то вода – из колодца.

Когда я пришёл из армии, маме было сорок шесть. Умерла мама в 1990 году, похоронена в Зорино; там же и мало-малышовское кладбище, где похоронен отец. Сейчас Мало-Малышовка вроде существует, но зовётся Зорино. Там осталось дворов сорок. Каждый родительский день мы туда ездим на кладбище.

Семья Гилёвых.
Родители:
Маринин П. И.
Верхний справа –
Гилёв В. П.
(начало 50-х годов)

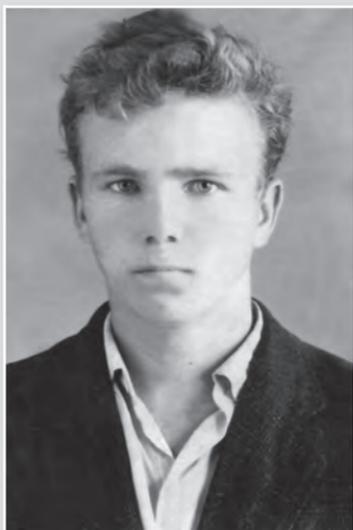
В гостях у мамы Гилёвой С. Г.

Мама Серафима Григорьевна со снохой Валентиной Григорьевной
(1988 г.)

Гилёва С. Г.
и её внучатый
племянник Гилёв Н. И.
(1989 г.)

В. П. Гилёв –
учащийся СПТУ-1

В. П. Гилёв с другом
А. П. Залыгиным (1957 г.)

Третий класс Заринской семилетней школы,
классный руководитель Гурская К. Н.
Крайний справа – Гилёв В. (1955 год)

В. П. Гилёв (в центре) с одноклассниками после окончания семилетней школы (1960 г.)

Школьный выпуск семилетки
(седьмой слева – Гилёв В. П.)

На службе в армии.
Крайний справа
В.П. Гилёв (1966 г.)

Гилёв В. П. с другом (1968 г.).

Друзья-земляки.

Слева направо: бригадир комплексной бригады В. П. Гилёв,
Савин А. И., Крымский А. Д. (1975 г.)

На рыбалке с В. В. Черкасовым

На районных соревнованиях по лыжным гонкам.
Слева – Прокопенко В. Г. Справа – Гилёв В.П. (1988 г.)

Проводы русской зимы в Битках (1990 г.)

В Мало-Мальшовке, на берегу Оби, мы родились и выросли. Оттуда в шестьдесят пятом году я ушёл в армию, там работал на тракторе, там наша родина, там теперь и родители.

И ещё о немцах

У ещё о немцах. Слишком большое место эти люди занимали в нашей жизни, и не просто занимали, а были частью этой жизни. Я помню, как один немец ходил в нищей одежде, ходил с мешком, попрошайничал. Он заходил в каждую семью, и везде ему подавали кусочек. Мы, дети, этого не понимали и по всей улице бежали за этим человеком и кричали, кто на что был способен, но чаще почему-то «Гутен таг!». Он не обращал на нас внимания – шёл и шёл своей дорогой.

Прибывшие в 1941 году депортированные немцы, а это около двадцати семей, как-то сразу вписались в трудовую жизнь, и люди скоро научились их уважать. Мне было уже двадцать три года, я был бригадиром, у меня помощником по технике работал Кох Яков Степанович. Он в отцы мне годился по возрасту, для меня он был примером – насколько он был трезв и в мыслях, и в делах, честен, добросовестен и тактичен. Мы работали с ним в полном взаимопонимании. Ещё в нашей комплексной бригаде работали механизаторами Бауэр Фёдор Андреевич и Александр Андреевич, братья Лейманы. А Бауэр Андрей Христианович работал заведующим МТМ (машинно-тракторной мастерской). Был такой случай. Я, ещё молодой механизатор, заехал в мастерскую на ремонт – мне надо было отремонтировать тракторную тележку для ДТ-75,

и я её разбирал, хотел выбить промежуточный палец. Я хлестал его до тех пор, пока кувалда не сломалась. А Андрей Христианович молча наблюдал за мной в сторонке. Потом, когда я кувалду сломал, он подошёл и говорит:

– Вон там стоит кувалда, на ней ручка металлическая, возьми её. – Потом подумал и добавил: – Витя, это делается просто. Ты стопор вывернул?

Я сразу понял, что он наблюдал за мной и думал: «Ну когда же до него дойдёт?» Мне никогда не забыть этого умного человека. Вот, кажется, я рассказал пустяк, мелочь, но ведь именно после этого я научился думать, прежде чем кувалду ломать.

Тогда электричество подавали от местного дизеля, и там работали немцы. У них – всё аккуратно, по порядку и вовремя. Утром дали свет, на ночь – отключили, всё без сбоев. Заведующий МТМ, бригадир и главный зоотехник – тоже немцы. Постоянно находясь рядом и работая с ними, я даже хотел походить на них. Что у них было на душе и в сознании, я не берусь судить. Но они добросовестно делали своё дело.

А когда в Берлине стену разрушили, люди стали уезжать, мы в хозяйствах почувствовали какой-то голод трудовых ресурсов. Это не значит, что не было умных, знающих и честных среди русских, украинцев или татар, – были и есть. Но мне до сих пор жаль, что наши, уже русские немцы уезжали в Германию.

Детство и отрочество

В годы моего детства практически все семьи были многодетными, и дети с раннего возраста уже понимали, что надо делать посильную ра-

боту с пользой для всех: набрать боярки, смородины и другой ягоды на зиму или насобирать грибов. А в магазинах в обмен на собранные кости, железки и прочее сырьё можно было получить копейку-другую, сладости, рыболовные удочки и крючки, лампочки для фонарика или что-нибудь по мелочи.

Работать я начал очень рано, когда мне исполнилось шесть-семь лет – мы собирали кости на скотомогильнике и сдавали в магазин. В те времена не было еще заготконтор, эти функции выполнял магазин. Кости взвешивались, и мы получали немного денег. Став постарше, где-то в восемь-девять лет, мы уже заготавливали кору деревьев, сушили, связывали в тюки и сдавали, и на этом тоже зарабатывали. Все деньги отдавали родителям, мы ещё в раннем детстве научились помогать родителям.

Нам не давали заданий и не требовали что-то приносить домой, но мы видели, что просто так ничего ниоткуда не берётся. Нашим естественным состоянием была потребность что-то делать, чтобы что-то получать. А уже после десяти лет просили летом бригадира принять на какие-нибудь посильные для нас работы, например, на покосе на лошадях возить копны к стогу, или просились на прополку. Кроме заработка, нам хотелось быть рядом со взрослыми, доказать свою зрелость, состоятельность.

Конечно, мы трудились на своем огороде, сажали очень много картошки. Когда подросли, нам поручали высаживать рассаду табака, практически все семьи имели план по выращиванию табака. Ребятишки работали наравне со взрослыми, и нам, как и взрослым, насчитывали трудодни – это было круто, совсем по-взрослому! Мы рано выросли, нас воспитывал коллективный труд, социализация

была ежедневной, и никому не приходило в голову планировать ее, потому что мы жили интересами общего дела, семьи, класса, колхоза; в атмосфере трудового коллектива формировались наши характеры.

Однажды отец попросил выгнать попасться лошадей. Я начал пасти рано, лет с десяти уже нормально держался в седле, пас коней, седлал коня сам. Табун насчитывал голов сто, и попробуй в пять часов утра не выгони – дисциплина у нас была строгая. Летом я зарабатывал копейку, и это было очень кстати, потому что в это время мы строились. Отец занимался домом, а вместо него я шел пасти коней.

В то утро лошадь подо мной споткнулась, я упал с неё, но моя нога осталась в стремях, и меня лошадь таскала волоком. Мой товарищ, который тоже пас, только телят, Володя Васютин (он и сейчас жив-здоров), увидел меня в поле, смотрит – я лежу. Нога-то разулась, а лошадь убежала с обуткой. Володька меня и спас. У меня сотрясение мозга было, на спине всё ободрано, сейчас на спине у меня есть заплатка. Тогда в Малышево была хорошая больница, в десяти километрах. Меня туда увезли. Было мне в ту пору лет десять-одиннадцать. После этого случая у меня голова долго болела, меня даже по бабушкам-знахаркам водили. Но голова всё равно еще долго болела, особенно когда в работу начинал серьезно включаться.

До пятого класса я хорошо учился. Дальше стало сложнее: много времени уходило на домашние и другие работы. Я же был в семье старший, а потому и нагрузка – как на мужика. Окончил только семилетнюю школу, потому что ближайшая средняя школа была в Сузуне, за тридцать километров.

Родителям оказалось не по силам обучать меня вне дома: семья большая, мама работала с восьми до восьми, а если товар получать, так и больше того. А если плюшевые жакетки или какие шали привозили, то очереди занимали с двух ночи, так тут даже и не до сна.

В детстве случалось всякое – и хорошее, и плохое. Вспоминается такой случай. Мне тринадцать лет. Мы, молодые ребята, в течение лета участвовали в заготовке кормов на противоположном берегу Оби, где были луга. На этих лугах наша бригада заготавливала по пятнадцать-шестнадцать тысяч центнеров сена. Волокуши с копнами сена к стогам перевозили на лошадях мы, ребята. Жили там неделями, а домой приезжали только по разрешению бригадира на субботу – помыться в бане. В воскресенье – опять на работу. Жили в палатках, у кого они были, в пологах – чтобы не съели комары.

Вспоминается случай: во время сенокоса пошел сильный дождь. Все понимали, что назавтра сено убирать будет нельзя, и поехали домой на свой берег. Наум Алексеевич Куликов, бригадир, попросил меня остаться на ночку, максимум две – посторожить рабочих коней, а также всю технику, палатки – весь лагерь. Я согласился. Дождь шел целую неделю. Мне пришлось жить с конями за Обью одному. Днём ещё ничего: кони пасутся сами по себе, а ты – с блесной на пруды Хозово. Там щука, окунь, чебак хорошо клевали. Так что день – ещё ничего, а ночью, не скрою, было жутковато. Я возле своей палатки всегда держал засёдланную лошадь. Мне тогда казалось, что вот это настоящий друг и опора, когда ты чувствуешь, хоть через палатку, но всё равно рядом, его дыхание. Страшно по ночам одному в палатке, поэтому разговаривал с лошадьми

и ждал следующего дня. В эти дни одиночества и какого-то морального выживания я сильно повзрослел, будто детство отцепилось от меня и его унесло скорым течением Оби куда-то вдаль и навсегда.

Я не думал о том, что бригадир забыл про меня, ведь не присылал ни смену, ни подкрепление – ничего. Потом уже забеспокоились родители, и была прислана замена. Я же пошел по берегу искать лодку. Наткнулся на семью Ковровых, они собирали ягоду. С ними я и переплыл на родной берег. Потом снова наладилась погода, приехали люди, и заготовка сена продолжилась.

Голодал в те дни, все время хотелось есть. На покосе была повариха, которая когда ночует, а когда и не ночует, а молодому организму есть всегда хочется. И приходилось довольствоваться малым, тем, что пришлют из дома, – а это бутылочка молока, хлеб, огурец и пара яиц еще. А всё равно росли и мужали.

Закончил я школьное дело и в шестьдесят первом году поехал в экспедицию – оборудовать охранную зону на железнодорожной ветке, которая проходила через Сузун. Всё лето трудился, а к осени вернулся домой. А осенью отец поехал в Сузун, договорился, чтобы меня, еще совсем малолетку, зачислили в училище механизации. В те годы в училище принимали с семнадцати лет, а мне не исполнилось еще и пятнадцати. Поэтому пришлось договариваться. Там один год я обучался профессии «слесарь-тракторист». Окончил с отличием, был награжден радиолой «Рекорд», на которой многие годы мы пластинки крутили. Учился я вместе со взрослыми, которые приходили в училище в основном после армии – взрослые дяди, там уже была дисциплина. Также в училище учились

мои односельчане и ребята из соседних деревень: Пирожков Николай Иванович, Пирожков Геннадий Антонович, Колбин Александр и другие. В то время профессия механизатора была престижной и почетной, к тому же востребованной. Не пойму, почему сейчас всё не так, всё в забвении: работа механизатора, шофера, токаря не на слуху ни в школе, ни в других кругах; не поэтому ли такой кадровый голод ощущается сейчас в хозяйствах, на производстве?

Жил с ними в общежитии, питался в столовой, кормили лучше, чем дома. Получил форму: был такой синий бушлат, ремень с бляхой, – сама форма дисциплинировала. Общение со взрослыми людьми научило думать. Я там возмужал, за год повзрослел.

Когда после училища я пришел обратно, бригадир комплексной бригады Куликов Наум Алексеевич дал мне хороший трактор, посадив напарником к опытному механизатору Светашову Николаю Лукичу: сутки он, сутки я. Если у меня сегодня нет работы на тракторе, то завтра я еду на тракторных санях с вилами – грузчиком. Загруженность работой была полная. Трактор работал круглосуточно! В случае поломки трактор ремонтировали оба тракториста, независимо, в чью смену он сломался. Небольшой ремонт делали на месте, серьезный – в мастерской.

Когда учился в училище и был на практике, я работал штурвальным на прицепном комбайне «Сталинец-6». Штурвальным – это помощник комбайнёра. Весь экипаж на жатве состоял из пяти человек: тракторист, комбайнёр – у меня был молодой красивый парень, Усольцев Виктор, никогда его не забуду, умница парень, – и его помощник – штур-

вальный, и еще двое – на прицепе у копнителя. Это по тем временам была основная уборочная техника, а засевалось тогда столько, сколько сейчас не засеваётся.

Во время уборочной спали на полевых станах, домой не ездили, питались там же. В пять часов утра комбайнёр подходит, будит: всё, пошли! Надо ж было еще сделать техническую профилактику техники: осмотреть, подкрутить, подтянуть, прощипцевать. А трактор-то не стоял: до десяти вечера он комбайн таскал, пока можно было молотить, а потом цеплял плуг и всю ночь пахал сжатое поле.

В шестнадцать лет я получил специальность и до армии два года отработал на гусеничном тракторе. А когда в бригаду дали новый С-100, то один из старейших трактористов – Лисунов Александр Иванович, которому дали этот трактор, предложил мне пойти к нему напарником:

– Виктор, пойдешь?

Я, конечно, тут же согласился:

– С удовольствием, Александр Иванович!

Мне хотелось освоить бульдозер с ножом. Зимой дороги заметало, но метель, не метель, а мы чистили дороги. В кабинах холодно не было, там всегда от двигателя идет малое, но тепло. Тогда ж не было хороших рукавичек, перчаток, вот она – голая рука. И руки не мерзли, тем более они были в мазуте. Снегом их – раз-раз, помоешь – и пошел в столовую. А уж дома отмывались, в тепле.

Работы были разные. Во-первых, буртовали перегной, а потом песок под постройки... Машина мощная, можно было много чего. Мы даже шутили: «Сегодня ты в баню пришел сюда, а если будешь выпендриваться, то завтра в баню пойдешь на другой конец деревни». Надо понимать – пере-

тащим баню от тебя подальше. На этом тракторе я отработал год, а в 1965 году был призван в армию. Уходя в армию, я посадил в палисаднике ранетки. Тогда в деревне это было лакомство, и то не у всех росло.

Не только в школьные годы, но и всю жизнь очень важно, кто встретится тебе на трудовом пути. Мне встречались очень умные и терпеливые школьные учителя, потом – бригадир Куликов Наум Алексеевич, старший напарник Лисунов Александр Иванович, Шишкин Николай Федорович, Агарин Евгений Андреевич, Дудинов Павел Логинович и еще многие и многие другие. Особое место, уже во взрослой жизни, занимал первый секретарь райкома партии Кошелев Василий Алексеевич. Как хотелось походить на этих мудрых, энергичных людей, общаться с ними!

Наставники

Когда еще до армии я работал в колхозе, у нас была сплоченная комплексная бригада, в ней трудились люди с большим опытом. Мы ведь не только сено возили, мы обрабатывали землю, и от того, как ее обработаешь, как посеешь, таков и урожай будет – как говорится, как потопаешь, так и полопаешь. Мне еще до армии доверяли сеять, а доверяли тем, у кого уже был опыт. Кто относится к работе как положено, тому нужна и прямолинейность, и воля, чтобы всё правильно было. Принципиальность и честность всегда нужны, особенно если сеешь хлеб. И этой принципиальности я учился у старших наставников, например, у братьев Григория Васильевича и Ивана Васильевича Крымских,

у Романова Григория (я звал его дядя Гриша). Это механизаторы со стажем. А «помпотех» у нас был Кох Яков Степанович – большой души человек, такой беспокойный, равнодушный, мимо беды не пройдет. Они приучили нас к порядку. Приехал со смены, трактор, естественно, в пыли. Мы подъезжали к реке или озерку, брали оттуда воду и мыли технику, всё прибирала и напарнику передавали чистую машину. Ну и, конечно, всё надо было смазать: значит, ходовую, катки прошприцевать и помпу, муфту сцепления, и пятое, и десятое – всё, что входит в техход номер один и номер два. За каждый выведенный из строя подшипник приходилось отвечать материально. Я скажу, что это не прошло бесследно. Это стало привычкой во всём.

Вспоминаю ребят: Пирожковых Ивана Миневича и Анатолия Ивановича, Руднева Анатолия, Крымского Виктора Дмитриевича – это были замечательные комбайнёры-наставники. А наставник – это не тот, кто тебе наставления трындычит, а тот, с кого можно взять пример.

Но было всякое. Были и такие, кто не хотел видеть меня в передовиках, ревность какая-то: сегодня мне рубаху дают, другому не дают. Но таких было мало, в основном кругом были люди трудолюбивые и честные. Допустим, Плотников дядя Лёня – кум мой, Леонид Максимыч, – отличный человек, и у него была ревность, но иная, за работу: сколько вспахал? как вспахал? А если что не так, всё скажут, правды не утаят! Поле ж можно было заборонить по-разному. По краям заборонил, а середина – пустая. Не-е-ет! Такое не пройдет: кто сеять будет, тот увидит и не промолчит! Вот это деловая ревность, за наше общее дело, за урожай, за честь коллектива. И такая ревность положительно

влияла на качество работы, формировала характер и ответственность. А кто к рубашке ревновал, то и не ревность совсем это была, а зависть, черная и позорная зависть.

Наставничество, оно не только в работе, но и в армии было. Я в ноябре повестку получил: надо идти в армию. Ракетные войска. Московский округ ПВО. Служили два с половиной года. Помню командира полка – полковника Калемасова Николая Степановича. Отличный мужик.

В армии я стал кандидатом в коммунистическую партию. Служил хорошо, но умер отец. Меня отпустили на похороны. А потом ещё, по результатам учений, мне дали отпуск на пятнадцать суток. За время службы я дважды был в отпуске – кто служил, тот знает, что такое случалось крайне редко. Командир полка дал отпуска десять суток, а командир корпуса – пятнадцать суток.

Так повелось с детства, когда я брал пример с матери, отца, от старших коллег-товарищей, – старался брать самое лучшее, так и в армии у меня были авторитетные ориентиры. Особенно хочу отметить командира части Калемасова. Он всегда интересовался, как дела, как родители, как чего, получаю ли письма. А потом его перевели в штаб, в Москву.

А вот как я познакомился с председателем нашего колхоза «Победа» Дудиновым Павлом Логиновичем. Так вот, за стрельбы ракетами по мишеням на полигонах в Казахстане меня наградили отпуском на пятнадцать суток. Я приехал, а дома – никого.

– Где мама?

– А она за Обью сено на зиму косит литовкой на свое подворье, – отвечают братовья.

Мне так обидно стало. Мне с мамой повидаться охота, перед этим ещё отца похоронил... Я сразу – на берег. Лодки нет. А тут на берег на ГАЗ-69 мужик подъезжает. Он говорит:

– На ту сторону надо, не могу до перевозчика докричаться.

Я спрашиваю его:

– Кто вы и зачем вам перевозчик?

Он мне представился, что руководитель колхоза «Победа» Дудинов.

Я ему ответил:

– Сейчас что-нибудь придумаем.

Оставил одежду, чтобы с лодкой переправили туда, забежал против течения где-то с полкилометра – и в воду. Переплыл, смотрю: наша мама косит. Я говорю: «Мама, ты чего? Заканчивай! У тебя еще, кроме меня, шесть ребятишек. Ты же работаешь в другой сфере. Почему тебе колхоз не помогает, ты же вдова и сын в армии?!»

А она только поплакала, что меня встретила.

Председатель переплыл и уехал куда-то. А зимой сено маме привезли на двор, но только после того, когда подключился военкомат.

Потом я вернулся из армии, три дня отдохнул. Тут приехал бригадир Куликов Наум Алексеевич, говорит:

– Мы получили силосный комбайн новый, у нас таких комбайнов еще не было. Как ты? Когда на работу?

– Как скажете, – отвечаю, – мне сидеть особо нечего.

Вышел на работу, восстановился в техникуме и через три года заочно закончил его, получил среднее техническое образование по специальности «техник-механик».

Я получил новый прицепной комбайн силосоуборочный КСС-2.6 и старенький трактор ДТ-75. Я сам всё собрал, сделал, подцепил к трактору и поехал. Косил. Занял на кукурузе первое место в районе по косовице. Пришел тогда в мой адрес мотоцикл «Урал». Согласно условиям соцсоревнований, его можно было купить вне очереди. Решил я занять денег, чтобы купить, своих-то еще не было, только из армии пришел, но мой мотоцикл перехватил секретарь парткома.

И я бы не узнал, куда делся мой мотоцикл, если бы не пришла из района фактура, а в ней было написано: «Передовику производства Гилёву В. П. мотоцикл «Урал» продать». И маме тут же доложили, мол, сыну вашему пришел мотоцикл, но его взял Ведяев, секретарь парткома. Я решил идти к председателю. Мама говорит:

– Сынок, зачем тебе всё это? Зачем тебе этот скандал?

Я ее выслушал и отвечаю:

– Мам, я схожу. Ну что это такое?! Пускай порядок наведет. Мне просто обидно. Ведь это не только из-за себя, тут люди и другие работают, а они хомячат. Нехорошо.

Пришел я к председателю, так, мол, и так, а он мне отвечает:

– Ну и что? Молодой еще, заработаешь.

– Нечестно это, – говорю, – ну так же нельзя. Да, я заработаю, Павел Логинович, но об этом воровстве я скажу на партсобрании. Удобно это будет кому-то или нет, это неважно.

– Ну да ты чё?! – взъерепенился председатель.

– А ничё! – ответил я и ушел.

Разговор на партсобрании состоялся, и решили так: мотоцикл у Ведяева забрать. А я принципи-

ально отказался от мотоцикла. Не по душе мне он уже был, да и денег занимать не надо. И мотоцикл продали другому передовику – Железнову Михаилу Петровичу. Правда восторжествовала.

Так что проходимцы и в наше время были, и среди рядовых, и руководителей, и партийцев, но мало, в основном они по тюрьмам все сидели, а не в правительстве. Вот и вся разница между прошлым и настоящим. И не бывает такого общества, чтоб воров не было, но в разных обществах вору в разных местах обитают. Так что пока вы с ворами не справитесь, так и будете жить средневековыми дикарями с гаджетами.

А теперь – про любовь

О косил кукурузу с раннего утра и до ночи. Не до девчонок было. А тут приехала Валентина Григорьевна к нам в школу работать, совсем еще девчонка. Она поступала в мединститут, по конкурсу не прошла, уехала, документы даже не забрала. А с учителями в те годы была проблема. Кто десять классов закончил – тот уже большой человек, а если на пятерки-четверки, то цены такому человеку не было. Ну и послали ее к нам пионервожатой, потом она стала учительствовать. И как я ее узрел, не помню, потому что был всё на работе, но начали мы встречаться. Это был 1968 год. Года полтора подружились и – чего тянуть, думаю, – поженились.

О себе она рассказывает так: «Мой отец Селезнёв Григорий Михайлович родился в 1910 году в селе Холодном. Родители его были работающими, состоятельными людьми. Они жили одной семьей – три брата. В коллективизацию были раску-

лачены и сосланы. О дальнейшей их судьбе ничего неизвестно. А папа потом уехал в Таджикистан.

С началом войны был призван в армию, служил минёром на Белорусском фронте, награжден медалью «За отвагу» и орденом Отечественной войны второй степени. С войны вернулся в родные места, в Холодное, потом в Шипуново, где и познакомился с моей мамой – Бессоновой Таисией Леонтьевной. Мама родилась и выросла в Шипуново, тоже в семье крепких крестьян. В их семье было семеро детей. Ко времени коллективизации они были уже взрослыми людьми, имели свое хозяйство, этим и жили, но потом были раскулачены. При раскулачивании, когда отняли всё имущество, мой дедушка, Леонтий, видимо, в результате обширного инфаркта, умер. Бабушка осталась с сыновьями, с несовершеннолетними сестрами и, видимо, с другими детьми. Старалась выжить как могла. Моя мама, еще до войны, вышла замуж и уехала в Казахстан, там у неё родились три девочки. Когда началась война, а время было тяжёлое, две девочки у неё умерли, муж в первые же дни войны пропал без вести, и она вернулась в Шипуново к своей матери. Здесь они прожили всю войну: работали в колхозе, садили свой табак, держали коровёнку. Молоко, яйца, масло – всё сдавали для фронта. Известий о маминем муже нет и по сей день.

В 1948 году Селезнёв Григорий Михайлович, мой папа, демобилизовался и приехал в Шипуново. Здесь он познакомился с моей мамой, и они решили соединить свои судьбы. В результате в 1949 году появилась на свет я. Потом они с мамой переехали в лесхоз, и он проработал там всю жизнь на разных работах, перед пенсией он работал лесником. У него в трудовой книжке одна запись.

А мама, наработавшись в период войны, потом была домохозяйкой».

Вот такая у неё родословная, такая история... До своей Валюши-Валентины я ни с кем не целовался и даже не встречался, приходилось много работать, было не до этого. Как-то я к этому долго созрел, что ли. Чистеньким жене достался, как белый лист. А всё, что на нём было потом написано, – всё от неё: и дети наши, и многое, очень многое, потому что нас всю жизнь берегла любовь.

Помню, я тогда учился в техникуме и был на сессии, ко мне приехала Валентина и сообщает: «Там правление было, нам выделили квартиру в новых двухквартирных домах на центральной усадьбе в Каргаполово».

Хорошая квартира была, нам даже телефон поставили. Я был просто горд: ведь мы не обращались ни к кому, но я уже успел побывать в передовиках, видимо, так закрепляли кадры на земле. На работу в Зорино, это километра четыре, я ездил на коне – утром и вечером. Хорошо: любимая жена, любимая работа, красотища кругом и верный конь! В счастье купалась наша любовь.

Пленум обкома партии

В счастье купались, а был я в ту пору уже бригадиром. И всё было бы хорошо, но приезжает в наш район из обкома партии сотрудник орготдела Смирнова Валентина Ивановна, умница и красавица. Я, как женился, в женской красоте начал разбираться. Она готовила пленум обкома и ей нужны были два выступающих на этом пленуме. Первого они определили сразу – им стал председатель кол-

хоза Михаил Маркович Орёл, а второй нужен был специалист среднего звена, но чтобы уже со средним техническим образованием. В райкоме подумали и предложили меня.

Приехали мы в Новосибирск с Михаилом Марковичем, он опытный человек, умница, практик, участник войны. Он меня спрашивает:

– Чего ты хочешь сказать?

– Да не знаю, чего сказать. Скажу чего-нибудь.

– Ты это брось, «чего-нибудь». Не вздумай там говорить про надои, кому они нужны, наши надои, в других районах доят больше. Расскажи, как ты работаешь, и про свои проблемы, сформулируй предложения, да такие, чтобы и другим бригадирам на пользу пошли эти твои предложения.

И всё, что я там придумывал, я всё выкинул и задумался уже всерьёз.

Пленум вел сам Фёдор Степанович Горячев – первый секретарь обкома партии. Сначала доклад, потом выступающие, и вот очередь дошла до Михаила Марковича, а следом меня приглашают за трибуну. И я выступаю, рассказываю, как тесно работаю с партийной организацией как бригадир комплексного подразделения (это ж двести с лишним человек работающих), как на местный комитет опираюсь, чего мне недостаёт. Например, бригада у меня в радиусе двадцати километров, а транспорта – никакого. Я одного коня до обеда, второго коня после обеда – два коня в день изъезжу, в мыле они, чтобы мне побывать в каждой точке, где землю подрабатывают, где сеют, где скот пасут. И говорю:

– Беда, Фёдор Степанович, специалистам среднего звена работа осложняется тем, что мы меньше находимся с людьми, чем в пути. Катаемся, а не работаем. Гужевой транспорт – это не транспорт.

Порой хотелось бы собрать людей, поговорить, спросить и посоветоваться, а то и шею намылить, а возможности нет. Вот кто-то запряжёт коня, а кто-то и не запряжёт, кто-то делает, а кто-то и нет, и мы будем довольствоваться цифрами кабинетными – чего дадут, чего бог пошлёт.

Горячеву очень понравилось моё выступление, и он сразу задаёт вопрос Смирновой:

– Сколько у нас вот таких ребят?

– Около 12–13 процентов.

Он говорит:

– Как можно мерить людей «около»? Их должно быть тринадцать и две десятых или двадцать и пять десятых, но не «около». Вот они, цифры кабинетные!

Горячев за словом в карман не лез. Как он дал ей нагоняй! А она сидит спокойная, то ли, думаю, привыкла, то ли, знает, что Горячев понарошку ее ругает. Он меня спрашивает:

– Техникум окончил?

– Да, – отвечаю, – с отличием окончил, вот только два года пошли в никуда. Были намётки в Высшую партийную школу, но что-то сорвалось, не знаю, по каким причинам, но мне сейчас, видно, не поступить – после техникума прошло два года, подзабыл некоторые науки.

Тогда Федор Степанович – к ректору сельхозинститута, он был тут же в зале:

– Гудилин, слушай сюда: а ведь ему не поступить, потому что у тебя учиться моего кума сын да твоего свата брат. Набрал каждой твари по паре, а вот такие бойцы без образования живут. Партийное тебе задание: подбери вот таких, деловых и дерзких, всю область прочеши, но чтобы они были у тебя в институте!

Когда вышел из зала, меня все стали поздравлять.

– Молодец! – говорят. – Ты так понравился Фёдору Степановичу!

И Смирнова подошла, довольная, будто и не ругал её Горячев:

– Молодец, Витя!

Когда я приехал домой, меня секретарь райкома пригласил и говорит:

– Ну ты молодец! Мне поступило указание, чтобы ты поступил в институт.

– Боюсь, Василий Алексеевич, меня не отпустят.

– Это кто не отпустит? – Я услышал угрозу в голосе руководителя.

– Жена, – смиренно так отвечаю. И осел вдруг секретарь, задумался, видимо, вспомнил про свою жену. А я продолжаю: – У меня уже был разговор с женой про институт, а она мне такой аргумент – мол, с этим институтом мужа потеряешь. Видите ли, я недавно женился.

– А в чём дело? Езжайте и учитесь вместе!

– Василий Алексеевич, она поступала в институт, по конкурсу не прошла, аттестат остался в комиссии, сейчас обратилась – не найдут.

– Какую школу закончила? – Вернулась уверенность к секретарю.

– Шипуновскую.

Он поднимает трубку, говорит:

– Привезите дубликат!

Раньше, да и сейчас, чтобы дали дубликат, надо за полгода заявить в отдел милиции. Полгода будут искать, выяснять и только потом, через полгода со дня поступления заявления, имеют право

выдать дубликат. Действительно, к вечеру дубликат уже был у нас. Вот сейчас ругают прошлые времена, мол, партократы-бюрократы, – а вопросы-то решались! А знаете почему? Да потому, что тогда на весь Советский Союз полтора миллиона чиновников было, а сейчас – почти в три раза больше. А где много чиновников, там нет порядка, а где много юристов, там нет справедливости.

И мы с Валентиной поехали на подготовительные курсы, месяц добросовестно отучились и, честно сдав экзамены, поступили в сельхозинститут. И, конечно, мы его закончили. Учились заочно и работали. Вместе на сессии ездили.

Теперь я учёный-агроном, и Валентина Григорьевна тоже учёный-агроном. Мы всегда хотели быть вместе.

Мне постоянно говорят:

– Виктор Павлович, вы счастливый человек!

А я всегда отвечаю:

– Моё счастье в том, что я встретил настоящую любовь, великую женщину, мать моих детей и верного товарища, – и всё это у меня дома! Разве это не есть самое настоящее счастье!

Судьба и люди

Я не могу сказать ничего плохого о существовавшей в советское время системе управления, я вырос при ней, состоялся при ней как специалист, и сегодня мне есть с чем сравнивать. Мне, пареньку из глухой деревни, из многодетной – семеро детей – крестьянской семьи эта система дала образование, профессию, помогла стать руководителем и помогала в работе.

Вы знаете, я до сих пор горжусь тем, что, родившись в такой маленькой, далёкой деревне, я получил хорошую профессию, а затем – и высшее образование. Я никогда не якал, но в душе был горд, что мы с Валентиной Григорьевной окончили институт. По тем временам это было немало и давало надежды на то, что мы будем полезны, ну хотя бы своей земле.

В институте я получил то, что должен был получить – профессиональные знания. А вот жизненный опыт мы получали на всевозможных форумах, партийных активах, сессиях райсовета, других мероприятиях, да и просто в общении с разного рода людьми, ну и что-то от природы далось. Общение со старшими по возрасту и опыту работы давало понимание житейских и управленческих нюансов, и это откладывалось, копилось не только в голове, но и в душе, становилось личным опытом и пригодилось потом на жизненном пути.

Когда работаешь в коллективе, в любом качестве, ты не свободен от влияния близких тебе людей – и на твоё миропонимание, и на отношение к делу, и к человеку. Здесь берёшь лучшее – как пример, и учишься не принимать плохое как не надо. Или, например, наставничество. После училища садят тебя на трактор и, как правило, в напарники к опытному трактористу. Это сильно влияло на отношение и к работе, и к технике: в каком состоянии ты передашь трактор или машину старшему напарнику, как твоя работа повлияет на результат, на показатели. Это и есть воспитание. В коллективе цель всегда одна – работать, создавать, творить добро в самом широком понимании этого слова. Работать добросовестно, честно, умело и результативно. Не думать только о том, сколько я заработаю, а

думать, как я выполню тот или другой объем работы и тем самым принесу пользу людям и себе. Но сначала людям, а потом себе.

Когда я работал руководителем среднего, высшего звена, теперь думаю об этом: а что требовала от меня та обстановка, которая была в то время? Ведь от пятилетки к пятилетке менялись требования, менялось и отношение к труду.

Когда секретарем райкома было принято решение перевести меня из села в районное звено заместителем управляющего районной сельхозтехникой, было в душе, конечно, приятно. А с другой стороны, от добра добра не ищут. Есть работа, жена – при деле, дети – в садике, есть квартира. Всё как надо...

Но всё же принял предложение, переехали в Сузун. Год отработал здесь, в Сузуне, и было принято другое решение – назначить меня директором откормсовхоза.

Совхоз «Сузунский»

М как сложилось: я работал бригадиром комплексной бригады, потом инженером по сельхозтехнике, инженером по внедрению новой техники в совхозе «Победа», потом было предложено поработать в районном объединении «Сельхозтехника» заместителем управляющего, потом мне было предложено возглавить откормсовхоз «Сузунский». Это базовое хозяйство «Скотопрома», прямого подчинения Новосибирску, руководителем которого в те годы работал Анатолий Терентьевич Мальцев. Нам с Валентиной Григорьевной предложили предварительно посмотреть всё на месте, в селе Холодном.

Дорога до Холодного была очень плохая, после дождя проехать практически невозможно. Посмотрели всё и приняли решение не ехать: в Сузуне только устроились, Валентина Григорьевна работает, мне моя работа в «Сельхозтехнике» тоже нравилась, там и штат нормальный, – в общем, всё к тому, чтобы не поехать.

Утром меня к себе пригласил секретарь райкома партии Кошелев Василий Алексеевич. Я, конечно, рассказал ему всё, что увидел, и свое впечатление – и о дороге, и о хозяйстве. Он слушал внимательно и озабоченно. И тут я почувствовал, что он звал меня не на день рождения к себе, и что не от добра он ищет кадры, которым мог бы доверять, – он надеялся, и его просьба – от нужды великой... Мы с ним до этого общались по телефону, я уже тогда проникся к нему уважением. В общем, я дал согласие: «Хорошо, Василий Алексеевич, когда выходить на работу?»

На следующий день мы вместе со вторым секретарем райкома партии поехали в совхоз «Сузунский». Он представил меня коллективу. И потекли мои новые трудовые будни. И Валентина Григорьевна со мною рядом, а что ей делать, не бросать же меня на полпути. Когда я пришёл в Холодное, я уже был достаточно опытным и чётко понимал, что нужно селу и чего хотят люди. Эти события происходили в 1977 году – время бурного развития села.

Я не заметил, что народ разболтанный, и скажу, что после того, как меня представили, я оставил специалистов и сказал:

– Вот что, ребята, будем работать! И работать много! Появится время, я побываю у вас у каждого в цеху, а пока всё, работаем.

Противостояния не было никакого. Работа началась со школы. Пошёл в школу: походил, посмотрел, познакомился с учителями, кто чем дышит, как воспринимают мой приезд. А тогда руководитель хозяйства был всё – у него были все ресурсы, он отвечал за всё! Подхожу к классу – замок висячий на классе. Классы закрывались, а почему? Это же не амбар. Посоветовал вставить врезные. Школа была небольшая – 87 учеников.

Хочу отметить, что школа была укомплектована полностью кадрами, чего нельзя сказать о сегодняшнем дне – что в школе, что в сельскохозяйственной сфере.

В хозяйстве начал с трудовой дисциплины, с культуры земледелия, столкнулся с бытовыми вопросами: село часто оставалось без воды. Поскольку наша структура подчинялась непосредственно Новосибирску, я поставил там вопрос о необходимости безотлагательно решить эту проблему, лучше всего заново построить водопровод. Меня там слышали: дали добро, дали под это дело деньги. Поскольку грунты там подвижные, «танцуют», то эластичные, полиэтиленовые трубы пришлись как раз.

За сорок пять дней мы положили пять километров труб. Этот водопровод и сегодня исправно служит без всяких ремонтов, а прошло уже более сорока пяти лет.

Стало очевидным – нужен детский сад, существующий – и ветхий, и тесный. Тут дети, а за стеною крысы пищат, полы то тут, то там проедены. Заведующая детсадом Панасюк Наталья Ивановна, не скрывая, говорит: «Мы сами боимся этих зверушек, а дети тем более».

И я опять поехал в Новосибирск к руководителю треста «Скотопром». Это был уважаемый че-

ловец, кавалер ордена Ленина – Анатолий Терентьевич Мальцев. Ему было около шестидесяти лет, очень авторитетный человек. Он умел слушать и «слышал». Меня он «услышал». Строительство включили в титульный лист.

Также хочу дополнительно отметить в целом работу «Скотопрома» – насколько там были грамотные, равнодушные к проблемам села специалисты, и в целом вся команда руководства. При общении со специалистами в Новосибирске или при их выезде на место, в хозяйство, заряжался сам и заряжал этой энергией своих рабочих и всё село, и особенно отдел капитального строительства.

По проекту садик был на сорок пять мест. Я приехал с докладом к Александру Петровичу Уварову, который работал председателем Сузунского райисполкома. Он выслушал меня и говорит:

– Виктор, сорок пять мест всё равно мало, они не решат проблему. А давай, не меняя проекта, сделаем на девяносто мест за счет увеличения летних веранд, сделаем нормальные теплые стены так, как оно положено для Сибири – шестьдесят четыре сантиметра.

– Я только за! Хорошо, сделаем! Но если что, Александр Петрович, если меня за это «хулиганство» прижмут, вы выручать будете...

Сделали поправки, в нарушение сметной документации, и за четыре месяца построили детский сад, ввели в том же году, а на дворе семьдесят восьмой год. Поставили два сотовых электрокотла, сделали подогреваемый пол – всё нормально, всё работает; на полы закупили паласы у шефов в Новосибирске на базе УМТС. Директором работал Жлудов Владимир Петрович. Он бывал у нас по приглаше-

нию и, естественно, видел наши заботы и нужды и по возможности помогал.

Когда стали вводить детский сад в эксплуатацию и дошло дело до расчетов, то контроль обнаружил отступление от проекта. «Ах, как же, проект нарушен! Переплата строителям!» И понеслось, как я и предвидел. Я обратился к Александру Петровичу. Он: «Не волнуйся!» И вопрос был решён.

Я хочу сказать, что в те времена, если нужно было подставить плечо, то было кому это сделать. И мы в своей работе могли на это рассчитывать. В то время честь и достоинство руководителя были защищены, потому что он делал такие вещи не для себя – для людей, и это понимали. Было какое-то покровительство. Покровительство не вора́м, а создателям. Сейчас всё наоборот.

Но прежде всего государству требовалась наша продукция – мясо, молоко и хлеб. Но для того, чтобы качественно заняться делом нужно, чтобы у работников было жильё, школа, детсад, магазин, больница, Дом культуры, тот же водопровод и еще многое. И всё это должно было построить и эксплуатировать само хозяйство – на свои денежки. Руководителю в то время приходилось очень трудно: нужно было грамотно и по-хозяйски расставить приоритеты – что необходимо делать в первую очередь, а что во вторую. Ведь никто с нас ответственности за выполнение основных показателей не снимал.

Трудность еще заключалась в том, что в институте вот этой стратегии «изворотливости» не учили. Тебя учили растить хлеб – вот и расти. Это сейчас на социальные потребности денежки поступают из бюджета, правда, совсем крохи... И я не скажу, что сейчас лучше, сейчас у хозяйства главное – это бизнес, а люди решайте вопросы сами. И только не-

многие, очень умные руководители и бизнесмены понимают, что человек – это главное. А нам тогда надо было смотреть, за что и где взять кирпич, подъемный кран, цемент и всё остальное. И мы учились расставлять приоритеты, находить средства и создавать. Вот почему деревня расцветала, и молодежь ходила веселая, и старики были сытыми, хотя, конечно, вопросы были к нам.

А когда мы создали хорошие условия в детском садике, в школе, в других местах, в том числе на рабочих местах, то люди стали приезжать в наш совхоз «Сузунский» жить и работать. Мы построили целую улицу для специалистов. Хорошие отдельные дома, с водой.

А наряду со строительством материальной базы: мастерских, гаражей, животноводческого комплекса, водопровода, детского сада, – был приведен в порядок Дом культуры, с художественной отделкой, а также и столовая. И во всем этом деле были задействованы все специалисты нашего хозяйства: а это главный инженер Панасюк Владимир Ефимович, главный агроном Жернов Василий Павлович, неоценимую помощь оказывали главный экономист Сильванович Геннадий Григорьевич, главный бухгалтер Дмитриев Илья Степанович и Спирчук Василий Николаевич – мастер-строитель.

Кроме этого, нужно было решать ещё очень много вопросов: это и откормплощадки, и строительство силосных траншей, и пополнение автопарка, и строительство машинно-тракторных мастерских (МТМ), автозаправки – уже предъявлялись технические требования, а не просто стоит бак и есть насос. Когда я в городе видел чего-то, например, типовую остановку, старался там же, в машине, бы-

стренько начертить это, чтобы внедрить. Я получал огромное удовлетворение от работы в Холодном.

Но, прежде всего, перед нами стояла задача, как я уже сказал, производить зерно, молоко, мясо. До нас был доведён чёткий план по всем основным позициям. Это было как само собой разумеющееся.

Нельзя не отметить – в хозяйстве, где я получал первые навыки руководителя хозяйства, главное – финансовые вопросы были в приоритете, но наряду с этими вопросами нужно было помнить всегда о поле, ферме. И здесь были замечательные специалисты среднего звена: управляющий отделением Панасюк Анатолий Терентьевич, Крапивин Михаил Матвеевич – кавалер трех орденов Славы, а также молодые специалисты Скарюкин Владимир Германович, Краус Алексей Иоганнович и профессионалы своего дела – комбайнёры, механизаторы, шоферы: Краус Иоганн Андреевич, Головатюк Алексей Артемьевич, Закиров Михаил, Ивченко Павел, Лейман Александр, Черданцев Николай, Черников Виктор, Зиберт Александр, Гилёв Василий, Гриднев Иван, Тан Герман, Скарюкин Виктор и еще много замечательных и неравнодушных людей. И за всеми этими фамилиями замечательная женщина, работавшая в отделе кадров, – Антонина Леонтьевна Дмитриева.

Но без решения социальных проблем невозможно было планировать серьезные производственные показатели. Со временем люди уже поглядывали: а где сегодня нормированный рабочий день, где асфальт под ногами, где сегодня живут в кирпичном, а не в каком-то гнилом жилье. Пришло новое время, которое требовало проявить заботу о тружениках села, чтобы формировался рабочий стабильный коллектив. И в наше время эти вопро-

сы решались. А конкуренция, да она и тогда была, и сейчас есть. Но разница конкуренций значительная: тогда мы соревновались и хотели победить, а теперь конкурента мечтают убить.

Сегодня голод в хозяйствах по специалистам, я такого голода не припомню. Да, было – не хватало, например, одного учителя или одного из специалистов, но это решалось моментально. Кадрами занимались по-настоящему. Сегодня можно много сказать и об ошибках того времени, но что-то, а кадрами занимались постоянно. Их растили. И сегодня вина руководителей страны в том, что кадров не хватает, что кадрами никто не занимается так, как занимались тогда, ими надо заниматься по-настоящему. Ведь было престижно работать не только руководителем хозяйства, но и главным специалистом на селе. Если посмотреть, какие сегодня требуются специалисты, да и не только для производства сельхозпродукции, то увидим, что не хватает по два, три и четыре преподавателя в каждом селе. Слушайте, это проблема серьезная, ей надо заниматься в полную силу. И сегодня вопрос размера зарплаты – не самый главный. Сегодня, как и раньше, люди хотят жить как положено. Так просто подходить к людям сегодня нельзя. Кадровая политика, еще раз повторюсь, должна решаться. Сегодня порой некому коров доить, ездят из деревни в деревню. Где-то для этого есть база, но в основном нет, а людям-то жить где-то надо. Они не могут себе позволить городское жилье – это немалые деньги. Вопросов и всяких «но» сейчас больше, чем было, и самое опасное, что сегодня они планомерно и на серьезном государственном уровне не решаются. И, может быть, самое главное – населения в стране становится всё меньше и меньше.

Я строго поменял весь порядок жизни хозяйства. До меня директор не знал, куда какая машина пошла, куда какой трактор. Я взял это под контроль, журнал завели: приходят, за каждую машину расписываются сами, строгий учёт расхода дизельного топлива, моторного масла, сколько сегодня надоили молока и сколько продали, какая товарность и все прочие важности и мелочи. С первого дня у меня на бумаге: так, значит, строим дом – десять килограммов гвоздей, чтобы ограду загородить. Почему десять? Допустим, тридцать погонных метров, это надо прибить триста шпакетин, это надо шестьсот гвоздиков. В килограмме гвоздей на пятьдесят миллиметров около ста штук, значит, всего-то надо три килограмма гвоздей. Ладно, добавим еще полкило на случай, если промахнулся, гвоздь погнул, по пальцу попал, типа утешительный приз. Но почему десять?! И я завел учёт!

Если вдруг мне нужно поехать по личным делам, я иду в кассу, выписываю «Волгу», допустим, на два часа, и я поехал маму проведать. Метлу если мне нужно – я зашел на склад, сорок копеек заплатил, взял метелку и спокойно иду домой. И озираться по сторонам не надо. Невелики деньги, и спи спокойно. И так во всём. На «Кировце», смотрю, подъезжает к детскому садику за ребенком.

– Ты что прикатил? – спрашиваю. – Весна, дорога сырая, мягкая, а ты такими колёсами тут папешь, это во-первых, а во-вторых, ты за чей счёт по деревне катаешься на эдакой махине? Я вас предупреждаю, если вы ещё приедете, я вам отнесу этот заезд в начёт.

– А чё? – удивляется механизатор.

– А ничё, – отвечаю в тон ему, – потом соображать, может, начнёшь!

В конторе – две скамейки в прихожей, тазик стоит, вода. Сидят. Окурок – пух! Долетел – хорошо, не долетел – ладно. Говорю:

– Ребята, это же не хомутарка.

– Да и не церковь! – отвечают.

– Верно, не церковь, но и не свиньи здесь работают. Курить вы здесь больше не будете!

Всё, как рукой сняло. Потом у конторы специальное место оборудовали.

Чистенько, надои поднялись, вместо флажка у конторы сделали звёздочку красную, которая горит всю ночь: люди видят, в честь кого она горит. Всякими такими путями: личным примером, через контроль и поощрения, через соцсоревнование – тихой, но настойчивой сапой навели порядок.

Четыре с половиной года отдали совхозу «Сунзунский». В результате за это время в Холодном поднялась культура земледелия, резко повысилась урожайность, увеличилось поголовье, средний привес. Всё уже было накатано, и мне было уже полегче. Установился круг общения с людьми, с властью, порядок в технологии производства зерна, мяса, молока, и «социалку» не забывали.

Жил я там, работал я там – это было лучшее хозяйство в районе. И мне радостно, и от людей уважение.

Вот так жил я и радовался каждому прожитому дню, опирался на специалистов. Я и сейчас считаю, что правильно делал, ставя работу с кадрами на первое место. Во всех своих делах я ощущал неоценимую помощь от местного партактива, профсоюза и просто односельчан.

«Сельхозтехника»

Однажды мне позвонил бывший первый секретарь Сузунского райкома партии Кошелев Василий Алексеевич, на тот момент он уже был секретарем обкома партии, и предложил возглавить районное объединение «Сельхозтехника» вместо Колпакова Александра Сергеевича. А я до работы директором совхоза «Сузунский» уже работал в «Райсельхозтехнике» как раз под его началом. Я говорю:

– Не могу я, Василий Алексеевич, очень неудобно: он мой бывший начальник – и вдруг я на его место, вроде как подсидел. Не пойду, нехорошо это.

А Кошелев смеется в трубку:

– Подожди, горячая голова, он сам тебя рекомендовал на эту должность, на пенсию старик собрался, уходит вполне добровольно, ему уже трудно мотаться в Новосибирск, в Москву.

Потом выяснилось, что запланировали строительство базы «Райсельхозтехники» в другом месте. А это значит – переселение всей материально-технической части из центра Сузуна на новый участок, и из Красного Камешка склады тоже должны переехать в Сузун на новый участок. Это большая стройка. Об этом давно ставился вопрос. Вот и предложил Александр Сергеевич меня, а Василий Алексеевич поддержал его предложение поставить меня на этот трудный период переезда, как молодого и бывшего сотрудника «Сельхозтехники», знающего структуру предприятия.

Я согласился, понял, что никого не обижу. В данном случае мне по-человечески была объяснена ситуация, для чего это нужно, что задумывалось сделать. Должность, скажу честно, была пре-

стижней, и масштаб другой. Всё руководство «Облсельхозтехники» было в Новосибирске, там же все фонды. Мы вновь переехали жить в Сузун. Моя любезная супруга Валентина Григорьевна на этот раз также не возражала против переезда, но мне показалось, что на этот раз она не возражала с радостью.

База была уже в очень старом состоянии: с деревянными строениями, старыми стеллажами, всё приходило в негодность, вся торговля шла в центре Сузуна, техника стояла на улице. В общем, каменный век.

Нужно было решить вопрос с выделением участка для строительства базы на новом месте. Вся центральная контора находилась в селе Бобровка, в Красном Камешке. Бобровский сельский совет, Красный Камешок – вся ремонтная база находилась там, это по прямой километров двадцать пять. Эту базу надо было сюда перевезти, но прежде построить новую в Сузуне. А более того, предстояло перевезти и обустроить на новом месте специалистов, которых в Сузуне не найти – токарей, расточников, слесарей, – а это семьи, для которых нужны квартиры; они столько проработали на предприятии, и захотят ли они срывать с обжитого места? А специалисты они были классные. Я это всё понимал, всё слышал. Поэтому, наряду с объединением ремонтной базы с торговой площадкой, надо было строить и жилье. Все эти заботы требовали времени.

Ведь если ремонтная база здесь, торговля – там, контора – еще где-то, при этом компьютеризации никакой, то, значит, нет и контроля, нет и оперативности, которая требовалась. Поэтому мне была поставлена задача, и я её, как мог, решал.

Нужно был подобрать участок – подобрали. Как освободиться от леса? Там стоял лес. В то время директором леспромхоза работал Стрелин Михаил Семёнович, очень умный, порядочный, ответственный человек, член бюро районного комитета партии. Когда он прослышал о «Сельхозтехнике», он приехал и спрашивает:

– Ну, что у вас?

– Всё идёт вроде нормально, но проблема есть: на месте будущей «Сельхозтехники» стоит бор. – И я описал это место.

– А база именно там будет? – спрашивает Стрелин.

– Там, – отвечаю.

– Всё, товарищ Гилёв, я поехал лес убирать.

Пожали руки, и он уехал. И дело закипело, сначала он выпилил площадку гектаров на двадцать, потом мы приступили к корчевке пней. А в это время уже шла подготовка улицы под строительство домов для специалистов. Тут же вместе с «Дорстроем» засыпали болото, докупили несколько домов всё для тех же специалистов и начали строить жильё. Сейчас там лежит асфальт, правда, это уже не моя заслуга, но основу заложили мы.

Когда мне поручили возглавить это дело, я вплотную подключился к изучению документации, приходилось ездить в Москву, пробивать и согласования, и решения, и лимиты. В течение четырех с половиной лет построили базу «Сельхозтехники». На отведенной площади компактно разместили структурные подразделения, построили торгово-складской комплекс, ремонтно-технические предприятия, всё переместили, в котельную уже завозили котлы. Базу строили очень проблематично, потому что оформление документов опаздывало, строй-

ка развивалась быстрее, чем документы оформлялись: например, не было «лесобилета», но тайгу на месте отведенной площадки уже пилили и полным ходом шла стройка. Все проблемы, в том числе и бюрократические, решались на ходу, на лету, то есть без волокиты. Убрали с улиц комбайны, всё облагородили, сейчас там спортивная площадка Сузунской школы № 1. Так можно было работать, если в различных организациях работали спецы, и не просто профессионалы, а люди порядочные, люди дела, люди слова.

Благодаря взаимодействию с различными районными организациями мы смогли перевезти мастерские, не останавливая основную производственную деятельность «Сельхозтехники». Всё делалось оперативно. Ошибки исправлялись по ходу дела, учитывался опыт других районов, я специально ездил в Коченёво, в Кольвань и другие райцентры, смотрел, как организована работа «Райсельхозтехники» у них. И проектная документация делалась вдогонку тому, что построено – всё, кажется, наоборот. Но подобная оперативность была возможной потому, что областной «Сельхозтехникой» руководили такие великаны, как Чуев Фёдор Андреевич. У него не забалуешь (впоследствии он возглавил областное управление сельского хозяйства) – сделаешь даже то, что казалось невозможным. Ему нельзя было не подчиниться: ни возразить, ни оправдаться, – человечиче!

Моё утро начиналось не в кабинете, а я ехал в подрядную организацию и с руководителем разбирались, почему отстаём от графика. А подрядная организация называлась МСО-1 (межстроительная организация), которая была организована Свенком Василием Ивановичем, – он основатель, му-

дрейший человек, самородок! Впоследствии он был переведен в строительные фирмы области, а на момент нашего общего строительства базы руководил МСО Утешев Владимир Степанович, из бывших руководителей сельхозпредприятия, он хорошо понимал важность данного строительства.

Конечно, все эти вопросы строительства я решал не один, у меня были хорошие перспективные замы – это Зверев Николай Иванович, Стась Николай Петрович; все завершающие моменты комплектации вели бывший главный инженер, а нынче руководитель РТП Полунин Сергей Иванович с незаменимым главным инженером Железновым Александром Михайловичем.

Утром я появлялся у подрядчиков. «Я не канючу, – настаивал я, – просто спрашиваю, чтоб ты мне дал тот ответ, который я должен передать своему руководству. А моё руководство пусть спросит с твоего руководства, а твоё руководство – спросит с тебя. Я не канючу и не команду тобой, у меня своих недотёп хватает, я ответа требую! Почему отстаем от графика?!»

Ну вот, построили мы новые здания, появилось новое оборудование, станки, и техника пошла энергонасыщенная. Вначале была только гусеничная, а теперь поступили «Кировць» и Т-150, началась компьютеризация, пошли контейнеры и подъёмники. Наша «Сельхозтехника» и сейчас живёт, она работает на ряд районов. Раньше мы ездили, а теперь едут к нам. Специалисты у нас есть. Руководит предприятием мой бывший главный инженер Полунин Сергей Иванович, главным инженером у него Железнов Александр Михайлович – хороший парнишка, очень умный. Его отец, когда я был бригадиром, работал комбайнёром. Я знаю, из какой

он семьи, думающий парень и как человек – замечательный. Работает «Сельхозтехника».

А Колпаков ушёл в хозяйство, где жил, и работал инженером по технике безопасности. Мы с ним до последних дней дружили. Как-то он попросил аккумулятор, а на базе не было. Я снял со своей машины и отдал ему. Я уважал этого человека и во многом ему благодарен.

...А потом по чьей-то воле Совмин вдруг принимает решение: ремонтно-техническую базу отделить от торговли – развалить на два участка. И когда было принято такое решение, я сказал, что не представляю ремонтно-техническое предприятие без базы торговли. Это было явно несправильное решение. Я с этим был не согласен. Были сделаны такие затраты на строительство двух баз, и всё это – разобрать во вред делу! Вредительство! И когда я встречаюсь с подобными делами, я вспоминаю Сталина и оздоровительную пользу трудовых лагерей, где предатели, расхитители и саботажники приносили пользу Родине на лесоповале.

Битки

*Ш*ёл 1986 год. Я не согласился с разделением «Сельхозтехники» на два предприятия, и в результате мне было сказано: «Куда, Виктор Павлович, пойдёшь работать?»

Было принято решение бюро райкома и райисполкома – перевести меня директором совхоза «Битковский», это недалеко от Караканского бора. Привезли меня на битковский партком, члены парткома мою кандидатуру утвердили.

Когда я приехал в совхоз, соседние хозяйства уже сеяли, а в Битках убирали прошлогодний хлеб, перезимовавший под снегом. Проехали мы с моей любезной Валентиной Григорьевной, осмотрелись – и опять с чистого листа начал я планировать, расставлять приоритеты, всё как всегда. Когда смотрел поля, обратил внимание, что на полях очень много лесных колков – нужно было заниматься раскорчёвкой. Когда заезжал на территорию хозяйства, то обратил внимание, что хозяйство никак не обозначено. Потом уже мы поставили красивую большую стелу «Совхоз “Битковский”», которая отделяла нас от соседних хозяйств. В детском садике – ни оборудования, ни постельных принадлежностей, ни сахара, ничего...

В это время «товарищ» Горбачёв творил перестройку. В то время, я скажу, народ был как-то на подъёме. Горбачёву сначала поверили, он объявил борьбу с пьянством, и мы в Битках немножко стали порядок наводить. Корма растаскивались, и даже не для себя, а за рюмку, люди на этом портились. Воровство было заведено, как какая-то обыденность, воровство и не считалось уже за преступление. Например, комбикорма. Покупает коллектив десять тонн – я сразу начал предлагать продать населению половину, а то ведь мы не можем планировать ничего, что мы корове дадим, чтоб у неё попросить потом молоко. Если мы ей ничего не даём, чего хотим от неё?

Приобрели тяжёлые трактора и начали раскорчёвывать колки, чтобы на поле было меньше сорной травы, чтобы не было пересевов.

И хлеб молотили, и выжигали поля, подготавливая землю под посев. Этим самым увеличивали реальную посевную площадь, потому что на бума-

ге колки числились как посевные площади. Это в отчётах занижало урожайность. Пришлось поработать и по другим моментам, занижающим рентабельность. Например, зерно с центрального механического блока вывозилось на временные мехтока в поле, там не охранялось, а затем загружалось в загрузник и засыпалось в сеялки – это все было нерационально и не по-хозяйски.

С инженерной группой, с умельцами-водителями Симачёвым Владленом Николаевичем и его братом Петром Николаевичем, еще подобрались хорошие, нормальные ребята: Литаврин Володя, Курганский Константин, Осинцев Александр, Герасимовы Сергей и Юрий, – сами сделали автопогрузчики с бортами и гидронасосом. Всё сделанное исключало потери и дополнительное привлечение рабочей силы. Я могу сказать об этих людях только добрые слова.

Главным инженером совхоза «Битковский» в то время, а это 1986 год, был мой земляк из села Каргаполово Вейсгар Александр Федорович. Он очень мне помог как руководителю, когда я начинал работать в Битках: он раньше пришел работать в Битки, знал уже людей, их потенциал, это было очень важно.

В каждом случае при анализе сложившейся ситуации в трудовом процессе мы оперативно находили оптимальное техническое или организационное решение. Например, работает десять комбайнов, а на отгрузке зерна всего две-три грузовые автомашины, транспорта не хватает. Водитель ждет, когда комбайн наберет бункер зерна и зажжет зеленый свет на кабине. Водитель может забрать у двух комбайнов, а остальные, скоро набрав бункера, будут ждать автомобиль, чтобы разгрузиться, – холостой

простой комбайна! Чтобы решить эту проблему, мы создали механизированные звенья по обмолоту зерновых и зернобобовых культур. Одно такое звено из пяти комбайнов возглавил Симачёв Владлен Николаевич, в звено вошли два брата – Владимир и Николай Шаль, Владимир Бельц, Владимир Литаврин. За ними закрепили три автомобиля на отгрузку. В этом случае водитель уже не дожидался, пока комбайн загрузит полный бункер, а на ходу выгружал комбайн и увозил на ток. Это был прорыв, и таким образом мы решили проблему нехватки автомашин. И всё благодаря звену, которое работало в одну копилку.

В становлении моем как руководителя неопределимую помощь оказали главные специалисты: главный агроном Кашнур Анатолий Иванович, главный экономист Литаврина Валентина Ивановна. И особенно вспоминаю управляющих отделений с их помощниками: Дубовицкого Валерия Владимировича, Кленфера Давида Христиановича, Арсенова Леонида Федоровича. Спасибо вам, добрые люди! И, конечно же, спасибо моему первому незаменимому помощнику НОК – Слабоцковой Нелли Ивановне.

Звеньевая форма работы была внедрена и в животноводстве: работали звенья Аникеева Анатолия, Рунковского Анатолия, Шатохиной Ольги, Шенниковой Нины Васильевны и Щербаковой Зои. Всё это положительно отразилось на результатах труда.

Большинство людей в Битках с первого дня стали понимать, что их дела – на виду у руководства и специалистов, анализирующих всё, что делается, чтобы избежать лишних затрат. Как-то бросилось в глаза: приезжаю, там шкурят жерди – кору

снимают и не больше, а надо было протесать, чтобы загородить изгородь. Пришлось сделать замечание. Мне говорят: так и так, возьми, попробуй. Я взял и попробовал, и показал, как это надо делать, не потому, что они не знали. Знали, но делали как проще, но получали за это по другой, пусть хоть и копеечной, расценке. Здесь важен принципиальный подход ко всему, что делаешь. Люди это увидели, поняли. За мою требовательность я почувствовал к себе уважение. Они увидели, что я не красуюсь, а знаю и умею, поэтому всё, что я говорил, ими делалось. Главное – в результате люди стали получать удовлетворение от своего труда.

Всё, что можно было собрать с полей с прошлогодней пшеницей, мы собрали, и посевная в результате у нас прошла вовремя. И качество, надо сказать, у нас получилось неплохое. Кроме этого, раскорчёвка тоже дала свои результаты. И на следующий год наши результаты значительно выросли, на третий – ещё выше. Поскольку в процессе севооборота мы продолжали эту раскорчёвку, гектар стал не семьдесят соток, а уже восемьдесят, а потом – ещё больше. Сто соток в гектаре на полях никогда не будет: то по нему дорогу проложат, то линию электропередач и т. д. Вот так мы и начали.

Сенокос. Ну, это дело обычное: старая техника, изношенная, – и для сена, и для кукурузы. Мы посоветовались с инженером и заказали импортную технику: Е-280, Е-320, косилку-плющилку. Раньше было так: в непогоду приходилось поднимать людей, переворачивать валки всей деревней, всей бухгалтерией. Если валки подмочило дождём, приходилось их переворачивать – ручная работа, а с получением этой техники такая работа была механизирована.

Маслосырзавод агрофирмы «Битки» 1989 г.

Прибыли на открытие маслосырзавода агрофирмы «Битки». Слева направо: Селезнёв А. С. – секретарь парткома агрофирмы «Битки»; Гилёв В. П. – генеральный директор агрофирмы «Битки»; замминистра государственного агропромышленного комитета СССР; Шувалов Г. А. – первый секретарь Сузунского РК КПСС

Планёрка на строительстве маслосырзавода (1989 г.)

Агрофирма «Битки».
Комиссия на приёмке сыродельного цеха

Получили мы эту дорогостоящую технику. Слышу, мужики ее обсуждают.

– Ребята, в чём дело?

– Да вот, Виктор Павлович, за такие деньги можно было купить десять комбайнов. А вы взяли всего два комплекса.

Поясню для читателя. Мы взяли два комплекса: тот, что косит кукурузу, и тот, что используется на сенокосе. Что такое сегодня КС-2 и КС-1? Это просто скосили сено, и всё. А когда косили плющилкой, стебель через каждые два сантиметра перешибался и кормовая единица не выветривалась, и сено быстрее «доходило», быстрее высыхало. А кукуруза стала измельчаться до определённой массы.

Я ответил так:

– Ребята, скажите, где мне взять десять мужиков для работы на КС, а на этих комплексах мне будет достаточно два, но добрых? Пусть эти десять должны заработать в месяц сто двадцать тысяч. Из этой суммы пусть эти двое получают даже по сорок тысяч, а это не двенадцать, и эти двое будут довольны.

Так без особых эмоций, но при помощи цифр всё становилось на места. Люди всё понимали, всё видели, и это помогало сливаться в единый нормальный коллектив.

О молоке. Когда я приехал работать в Битки, надои были полторы тысячи литров на фуражную корову. Через два с половиной года мы доили уже три тысячи. Далее, буквально через год, мы доили три тысячи шестьсот на фуражную корову. Полторы тысячи дойного стада – не триста, не пятьсот. У нас и зарплата появилась хорошая, и свободные денежки. Мы могли купить то, чего мы хотели купить. Мы поменяли весь автомобильный парк,

поменяли часть комбайнов. Если раньше в хозяйстве было в пределах сорока пяти комбайнов, то мы довели это количество где-то до семнадцати, а хлеб убирали первыми в районе за счёт того, что немецкие комбайны были высокопроизводительные и убирали практически без потерь. Один «Доминатор» заменял пять наших комбайнов. Была специальная дилерская фирма по обслуживанию и ремонту. Запчасти были не дороже тех, что поставлялись на наши комбайны.

Всё у нас было чётко, всё как надо. Этого мы и придерживались, и наши дела пошли в гору. Поскольку я знал, где открываются двери в «Облсельхозтехнике», – а там работал тогда Калганов Александр Иванович, главным инженером – Якутин Борис Тимофеевич, а Чуев Фёдор Андреевич в то время работал уже начальником управления сельского хозяйства области, – у нас были хорошие отношения и взаимопонимание.

Мы строили жильё – двухквартирные дома с гаражами, всё как надо. Положили асфальт по труднопроезжим улицам. Всё это делалось на собственные средства. Хозяйство постепенно стало крепким и независимым, а люди самостоятельными и гордыми.

Пруды

Когда-то совхоз «Битковский» возглавлял Маслов Василий Тихонович. Про него говорили много хорошего, именно он в свою бытность организовал пруды и выращивал в них карпов. Я подумал, а почему бы не возродить хорошее дело. Посоветовался со специалистами, потом поехали в

Мошковский район, где находился огромный специализированный рыбопитомник, закупили в совхозе «Зеркальном» малька, я прошел курсы при сельхозинституте, где нам толково доктор сельскохозяйственных наук Всеволод Антонович Коровин рассказал, как выращивать эту рыбу. И мы стали разводить два вида: сарбоянского карпа, названного в честь речки в Мошковском районе, где он и был выведен как вид сибирского карпа, и традиционного, малочешуйчатого – зеркального карпа. Занимался выращиванием карпа и ухаживал за прудами Чувашов Владимир, добросовестный и ответственный человек.

За три месяца лета мы выращивали из сеголетки 30–50 граммов карпов весом почти что килограмм. Кормили мы рыбу тем же, чем и свиней кормят. На теплом мелководье, так скажу вам, чавкает рыба не хуже той свиньи, вся заводь ходуном ходит от плавников. У карпа губы вытягиваются хоботком вниз, и он роет ил в поисках корма, от того и чавканье на мелководье.

Всего было три пруда, небольшие, общей площадью восемь гектаров. Мы отремонтировали дамбы, шандор у нас не было, просто обводной канал, по которому уходила талая вода во время весеннего паводка, поэтому мы не спускали пруды. Были, конечно, заморы – это происходит из-за падения кислорода в прудах, где-то в феврале, такое природное явление. Карасю хоть бы что, а карпу тяжело, не весь выживал. Браконьеры были, но не наши, а из соседних деревень, пруды мы охраняли.

Облов производили в сентябре, продавали соседям, обменивали на иную продукцию, угощали гостей, а на следующий год вновь ехали в «Зеркальный» совхоз, покупали малька и зарыбляли пруды.

А чтобы браконьерства не было и чтобы организовать отдых сельчанам и гостям, мы организовали лицензионный лов рыбы: желающие покупали билет за пятьдесят копеек и имели право выловить до трех килограммов рыбы. И я сидел с удочкой рядом с механизаторами. Хороший отдых, спокойный.

Где-то в середине девяностых пруды стали высыхать – говорили, что заилились родники, а дождевой воды было мало, а после и совхоз «Зеркальный» разорился и малька не продавал.

Технология успеха

Я уже говорил, что в совхозе «Битковский» уже через год упорного и коллективного труда количество молока от дойной коровы увеличилось, гектар стал давать зерна больше и лучшего качества. В 1989 году, выполнив план по хлебосдаче, мы могли сверхплановым зерном распорядиться по своему усмотрению. Стали продавать зерно за валюту. На валютном счёте в Москве появились у нас доллары. Мы им также нашли применение. Это ж 89-й год: фуфайку нельзя было купить! Часть валюты пошла на одежду, на обувь – куртки, дублёнки завезли, сапоги аргентинские, и купили тридцать «Тойот» для рабочих. Новая сельскохозяйственная техника позволила сэкономить рабочую силу: людей стало хватать. А раз всё укомплектовано, значит, к людям можно предъявить требования, которые предъявляло время: это и агротехника, и семена, какие положено, и приплод, и другие важные условия.

Мы каждую пятницу проводили взаимопроверки между отделениями. Собирается делегация:

доярка, скотник и бригадир, и едут к соседям, а те – к ним. В субботу – прения. Под председательством директора совхоза проводится совещание и идёт конкретный разбор полетов: кто что делает и кто что не делает. И вот такая тесная работа с коллективом давала свои плоды. При этом люди не ссорились, они брали себе всё положительное, что было у их коллег. Ведь цель была – найти всё хорошее и пристыдить плохое, не унижая людей. Например: «Иван, а что у тебя вот тут как-то?..» А вокруг – специалисты по разным направлениям: тут и агроном, тут и зоотехник, тут и инженер. «Да вот тут у меня электрокотёл не работает». Вопрос к инженеру: «Почему?»

Председатель местного совета Гладышева Нина Ивановна тут же присутствует, она активный руководитель, ей также было до всего дело, она радовалась успехам людей нашего хозяйства, и от неё тоже помощь – например, прислать парикмахера на ферму или «поработать» с людьми, которые не дружат с трудовой дисциплиной. В этом процессе задействованы все главные специалисты, профком и инженер, которому раз в неделю на каждой ферме надо быть. До этого он знал только трактора да комбайны, а тут, оказывается, надо еще и на ферме быть. Деньги надо отрабатывать: мы откуда получаем зарплаты-то? С фермы, с поля. Поэтому надо быть и там, и там, и там! Я вам скажу: такая форма работы приносила хорошие плоды.

Скоро мы сделали свое телевидение: в определенный час в субботу мы отключали центральное вещание, и час был посвящён вопросам нашей жизни. Всё происходило на глазах у населения, они же видели, кто что обещает и как это всё выполняется.

Такая информированность населения утихомирила недругов и сплетников, и когда я ругал кого-то за что-то, люди понимали: «Ну и правильно делает, чего обижаться-то?» Это же всё – на их глазах.

Мы все отчетливо понимали, что за всеми делами, успехами стояли люди, но жизнь не стояла на месте, менялось время, люди – одни уходили, другие приходили как руководители, специалисты и рабочие. И всем без исключения хочется сказать спасибо – с кем пришлось работать, жить рядом, падать и подниматься вновь, искать новые пути выживания.

Очень много времени уделяли строительству производственных помещений, жилья и благоустройству села: строились коровники, гаражи приводились в порядок, машинный двор с крытыми постановочными местами для комбайнов и тракторов, а также и для другой сельхозтехники, открытые летние площадки для крупного рогатого скота, мельница, цех по переработке подсолнечного масла, склады для хранения зерна, мехток и другое. Можно перечислять и перечислять, а всё это строилось за счет собственных средств хозяйства, которые зарабатывали люди, работавшие в нем. Я уже упоминал некоторых, а еще могу добавить: механизаторы Елков Петр Иванович, Губаренко Николай Иосифович, Харин Алексей Петрович, Буховец Дмитрий Панкратович, Курганский Константин Петрович, Майстер Виктор Владимирович, братья Симачёвы Владлен и Петр, братья Герасимовы Юрий и Сергей, Коротких Александр, Герасимов Николай Васильевич, Лебедев Иван, Литаврин Владимир, братья Шаль Владимир и Николай, Осинцев Александр и много, много других.

Битковский маслосырзавод

Когда я отработал в Битках уже два года, в Новосибирск приехал секретарь ЦК Виктор Петрович Никонов. Он не увидел тех молочных продуктов, которые уже заполнили полки магазинов в Москве, и сказал, что область, которая производит такое количество молока и не имеет молочной продукции, это не дело. И было такое решение – построить мини-заводы. Тогда мне было предложено: давайте мы в вашем хозяйстве попробуем.

Каждое решение я старался просчитать на будущее: для чего я это беру? в чем я вижу плюсы и минусы? А при строительстве маслосырзавода считать не пришлось. Мне позвонил бывший первый секретарь нашего района, ставший секретарем обкома по сельскому хозяйству, Кошелев Василий Алексеевич, и говорит:

– Виктор Павлович, мы получили вот такое от Москвы задание – построить маслосырзавод. Мы посоветовались с районом и решили строить у тебя.

– Но, Василий Алексеевич, – отвечаю я, – у меня титульный список согласован – что я должен построить, что отремонтировать, коровник ли, гараж или ещё что-то...

– Ты не волнуйся за титульный лист, мы всё это дело тебе деньгами обеспечим. Это задание Москвы.

И был поставлен жёсткий срок – месяц (!). Курировал стройку начальник областного Управления сельского хозяйства Незавитин Анатолий Григорьевич, а от обкома партии – секретарь обкома, курирующий сельское хозяйство, Кошелев Василий Алексеевич. Еженедельно – планёрки, мне давались

чёткие задания. Мы за месяц этот завод построили. Подключено было всё: мы делали, а сметный проект шёл за нами, здесь же были технологи и другие специалисты. Первый мини-завод по производству сыра появился у нас в Битках через тридцать дней и через пятнадцать дней выдал продукцию – сыр «Пикантный». Мы его делали не из нормализованного (разбавленного), а из цельного молока. Все сыры делаются из нормализованного молока. Через пятнадцать дней секретарь обкома повёз сыр в Москву – доложить. Попал к Горбачёву, тот пригласил дегустатора, попробовали – хороший сыр.

Мощность завода по переработке молока – три тонны в смену, а мы надаивали около двадцати тонн. Мы три тонны у себя переработали, остальное везем на Болтовский маслосырзавод за двадцать километров, а это было затратно. Потом стало выходить из строя кое-что из оборудования. Сыр, конечно, замечательный, но и себестоимость его была очень высокая, не каждому по карману.

Наш маслосырзавод дал имя и известность агрофирме «Битки». Хочу отметить, что сырцех в Битках был укомплектован замечательными специалистами: мастером по цеху работал Пономарев Анатолий Иванович, знающий свое дело и болеющий за продукцию как за свое личное, он работал вместе со своей женой и сватьей – Дубовицкой Лидией Сергеевной, впоследствии возглавившей сыродельный цех.

Цех отапливался и все оборудование работало на электрокотлах, а это в конечном счете стало решающим фактором в увеличении себестоимости продукции.

Мы принимали из Москвы таких людей, которые нам оказались нужными и полезными, но

навязанное сверху решение не пошло на пользу хозяйству. Первые года три–четыре мы эксплуатировали завод, но потом то одно выйдет из строя, то другое, то пятое-десятое, потом пожар еще случился на заводе. А уж потом, когда в состав нашей фирмы вошел большой Болтовский завод, – ну зачем нам два?..

Нерентабельным оказался наш завод. И вот почему: мы на нашем заводике сыр по технологии делали из цельного молока, допустим, из одиннадцати литров – один килограмм. Поверьте, мы тогда не готовы были купить что вкуснее, вынуждены были покупать то, что подешевле. Это психология, и вы никуда не денетесь. Себестоимость одного килограмма сыра была крайне высокой.

Меня попросили рассказать о маслосырзаводе на пленуме обкома, и я привёз с собою круг сыра. Когда выступал на трибуне, достаю из коробки, говорю: «Вот продукция, хорошая, качественная продукция – сыр, но сегодня в этом зале его может купить только президиум, им зарплата позволяет, а тот, кто в зале, особенно на задних рядах, никогда не будет его покупать».

Как я теперь понимаю, у руководства области была благая задумка – подобные цеха по переработке молока создать по всей области, мы были пилотным проектом. Но проект не пошел – рентабельность низкая и высокие затраты.

Но наступили новые времена, многие заводы научились сыр, а вернее, сырный продукт делать из пальмового «молока», а мы не смогли. У меня был знакомый директор мясокомбината, который в свое время скупил акции у рабочих и стал хозяином завода. И вдруг я узнаю, что он продает завод. При встрече спросил:

– Зачем? Ты же провел модернизацию, новое оборудование, сохранил кадры, а теперь продаешь?

А он мне отвечает:

– Знаешь, Виктор, я, может, и не очень честный человек, но колбасу делать без мяса я не смогу, а если я не смогу, значит, я неконкурентоспособен.

Вот такие дела, сегодня конкурентоспособна, к сожалению, по большей части продукция низкого качества.

Болтовский маслосырзавод

Я уже понимал, что в двадцати километрах от нас был крупный завод районного подчинения по производству молочных продуктов, где в смену можно было переработать сто пятьдесят тонн молока, в основном на сыры и масло. И дело шло к банкротству. Мы, пять или шесть хозяйств, входили в него акционерами. Свою продукцию мы вывозили на этот завод. Я везу ему молоко, а он – не рассчитывается... Накопил огромное количество долгов. Я, хошь не хошь, а везу ему молоко, пока не прокисло, а он свои проблемы решает, а платить за молоко – не платит. А нечем платить. Собрали акционеров: что делать? Было принято решение главой района: «Виктор Павлович, принимай. Он тебе должен миллионов шесть, вот и забирай завод и трудись».

Посоветовались со специалистами, приняли этот завод и работали. Завод стал нашим. Когда мы взяли этот завод, то свой сырный – остановили. А когда мы этот сырный строили, у нас прошла реорганизация хозяйства, и совхоз «Битковский» превратился в агрофирму «Битки».

Вначале было трудно, но всё равно он стал рентабельным, всё пошло, работали. И всё бы ничего, и сейчас работает, но немножко не в том направлении. Когда я ушёл на пенсию, он отделился. Сейчас там новые хозяева.

Сейчас молоко на этот завод практически никто не везёт, да и везти-то некому: у кого есть молоко, отдают его в город. Завод – вот он, рядом, но молоко едет в город, потому что завод не способен опять рассчитаться. А не способен он почему? Он способен переработать сто пятьдесят тонн в сутки, такова затратная часть, а молоко не везут. Вот и мудрят там – делают продукцию, которая может быть востребована, наверное, только для тюрьмы. Делают спред – растительный жир, то есть из молока изымается молочный жир, добавляется растительный жир, он же пальмовое масло, и изготавливается молочно-растительный продукт спред, что делает его не только дешевым, но и вредным. На один килограмм масла нужно переработать двадцать два литра цельного молока, такое масло будет неподъемно для нищего населения – по цене 1000–1300 рублей. А на сыр нужно десять литров цельного молока, что делает его неподъемным по цене и неконкурентоспособным относительно продукции из пальмового масла. А что мы хотели, то и получили: на дворе капитализм, главное – прибыль, а не здоровье и не жизнь людей.

Укрупнение

После того, как мы приняли Болтовский масло-сырзавод, к нам попросилось ещё одно хозяйство, потом приняли само Болтово, потом пришёл

Верх-Сузун, потом Харьковка... И всякий раз приезжало всё районное руководство и просило: возьми, если не возьмешь, завтра это хозяйство объявят банкротом, всё вывезут, с чем люди останутся?! И всякий раз главным становился вопрос не экономической целесообразности, а моего нравственного выбора: бросить людей в беде или подставить свое плечо?

Понятно, что обещания лились рекой: и поможем, и дадим, и спишем, и пролонгируем. Сидели серьезные с виду люди при должностях и обещали, обещали, обещали. И я поверил – и в начальство, и в свой сплоченный коллектив, и в собственную совесть. В итоге всех напринимали, всё объединили, и пока всё это было в кучке, всё работало.

И всё, казалось бы, держали в руках, всё под контролем было, и такие хорошие понятливые специалисты, что душа радовалась.

Конечно, мне выпали другие времена: тогда люди вместе с нами, руководителями, за всё переживали, жили без кредитов, за редким исключением, потому что кредиты были бандитские – под двадцать процентов; потом подняли цены на топливо, на электроэнергию, и эти подъемы, как специально, совпадали с посевной или уборочной, будто сам дьявол решил уничтожить сельское хозяйство страны...

Понятно, что такие новые условия были созданы государством, это ведь не только кадровый вопрос. Хотя кто это в Москве вершит? Тоже «кадры», и Горбачёв – «кадр». А когда пришёл Ельцин... вот это «кадр»! А кто его окружал? Чубайсы! Вот они и творили. А что, сейчас что-то изменилось? Всё те же кадры, те же ставленники разрушителей страны.

Сегодня мы можем говорить о Коммунистической партии Советского Союза хорошо или плохо,

о том же Брежневе, но когда автомобиль «Нива» стоил десять тысяч, он потом его уценил до девяти. Стабильность была, а сейчас ее нет. Приведу пример: в 1961 году один киловатт-час стоил 0,04 рубля и в 1989 году он стоил 0,04 рубля. Вот это стабильность! А что сейчас творят спекулянты, вы сами знаете. Или еще, помню, поехал далеко, да не рассчитал – бензин в машине на нуле. Торможу грузовичок на трассе: мол, дай, сынок, пару литров, до бензоколонки дотянуть. Налил он мне полное ведро, я ему рублик тяну, а он и обиделся, хотя десять литров рубль и стоили, да только шоферы талонами, а не деньгами на колонках рассчитывались. Были тогда рвачи? Да, были, но мало, редко встречались. А в основном вот такие – честные ребята, как тот водитель. Вот что такое цивилизованные люди, цивилизованная страна – это где люди бескорыстные, трудолюбивые, честные, добрые, то есть богатые душой, а не деньгами. Деньги, конечно, нужны, но они не были смыслом нашей жизни. Мы были успешными людьми: летали в космос, собирали богатый урожай, учились по призванию, женились по любви – вот кто такие успешные и цивилизованные люди, а не те, кто больше наворовал.

В то перестроечное время почти у каждой сельской ограды стояла новая машина, у каждого был холодильник, телевизор, магнитофон. В школе – четыреста пятьдесят два ребёнка. Я тогда не мог себе позволить в одной рубашке ходить два дня. Я и сейчас за этим слежу. Девчонки на танцы на каблучках пошли в красивых платьицах; не то что нищих, бедных не стало. В школе такое качество преподавания, что во все университеты страны нам было по силам поступить. У меня дочь поступила в торговый институт, а там конкурс несколько десят-

ков абитуриентов на одно место. А сдала на все пятерки и поступила. Вот тебе и Битковская сельская школа! А многие городские тогда смогли поступить в торговый? То-то!

О специалистах

Главной опорой в работе всегда были специалисты. В основном это среднее звено, добрые управляющие, такие, как были у меня: Клейфер Давыд Христианович – третье отделение, Дубовицкий Валерий Владимирович – первое отделение, Казанцев Владимир Николаевич – второе отделение. Главный агроном Кашнур Анатолий Иванович – требовательный, грамотный, главный зоотехник Лобас Людмила Васильевна – очень хороший специалист, главный инженер Вейнград Антон Христианович.

Немалую роль в жизни хозяйства в свое время играл партком, который возглавлял Селезнев Александр Степанович, и профсоюзный комитет и его руководитель Крапивина Валентина Тимофеевна.

А также хорошие специалисты – это заведующие фермой, это нормальные люди, я им доверялся и старался с ними быть поближе, хотя считал, что субординация всегда должна соблюдаться.

Перед началом весенне-полевой кампании при сельхозинституте традиционно проводились недельные курсы главных специалистов и руководителей хозяйств. Но на этих курсах, кроме плановых занятий, было не менее важно общение: коллеги слушали друг друга – кто как ведёт хозяйство, кто над чем работает. Порой от преподавателя того не услышишь, что услышишь от коллеги. Такое обще-

ние было нужным. Каждый руководитель района где-то побывал, оттуда что-то привёз, теперь у себя это внедряет, а мы берём у него. Сегодня такого общения нет, каждый сам по себе, всё уже не так. А мы действительно получали друг от друга много полезной информации.

Новое время – новые задачи. Стали думать и о бытовых вопросах: а как же мы живём? Конечно, больше нужно было думать об общем производстве, чем о личной жизни, но мы думали: а как живут твои специалисты, как живёт твой друг, да и ты сам – в каких условиях?

Я помню, когда мы приняли Битки, у нас в детском садике не на что было купить сахар. Это сейчас всё на бюджете, а тогда социальные объекты висели на хозяйстве. Как решать социальные вопросы? Ведь это отвлечение денежных средств на строительство магазинов, школ, детских садов, и ещё, что немаловажно, – на их содержание, на ремонт того же Дома культуры. Может, руководителям сейчас и проще: они занимаются производством, не отвлекая время и деньги на социальные вопросы. Может быть, так и правильно, но хорошие руководители всегда думали о своих специалистах.

Я помню, когда у нас ещё не родилась дочь, а нам уже дали трёхкомнатную квартиру. Я тогда работал бригадиром комплексной бригады. И, поймите, я этому радовался и понимал, что, раз забота обо мне, то это меня обязывает отдать, ответить тем, что должен, чего от меня ожидают. Тогда вопросам социальной сферы придавали нужное значение. Приходилось строить всё: и магазины, и жильё, и детские сады, и вкладывали средства в строительство школ. Этим самым помогали людям, облегчая их жизнь, оказывая им реальное внимание. Хозяй-

ство жило заботами, как одна большая семья, и не было безразличия или повода отмахнуться, мол, пусть бюджет заботится. У бюджета глаза далеко, а у руководителя хозяйства всё на виду и рядом.

Когда меня направили в Битки, я уже обладал кое-каким опытом. Общался с соседями – коллегами из Сузунского района, назову их поименно: Шишкин Николай Федорович, председатель колхоза имени Куйбышева; Заикин Владимир Петрович, директор совхоза «Шарченский»; Орёл Михаил Маркович, председатель колхоза имени Урицкого; Субачев Николай Иванович, директор совхоза «Мауровский»; Мешков Валентин Иванович, председатель колхоза имени Калинина; Ольгов Александр Георгиевич, председатель колхоза «Победа»; Кудрявцев Александр Филиппович, председатель колхоза имени Кирова, и другие. Некоторых сегодня уже нет в живых. Я в то время был молод, смотрел на них снизу вверх и ловил каждое их слово.

Все мои лучшие годы, а это двадцать шесть лет, были прожиты в Битках, и я очень сожалею о том, что сейчас с Битками произошло. Я не снимаю с себя ответственности, но считаю, в первую очередь здесь повинна районная власть, позволившая раздробить хозяйство: часть отдали одному, часть другому хозяйству. Более трех тысяч гектаров отличной земли продали вообще левой фирме – САХО, руководитель которой нынче в бегах за границей.

И так получилось, что лидера в хозяйстве не оказалось, достойную замену себе я не вырастил. Чтобы хозяйство процветало, руководителю надо не спать ни днём, ни ночью. Я за собой тоже чувствую вину, что я не особо доверял людям. Да, работал у меня круг людей, но всё это под контролем держалось: не только сегодняшний день (сколько

мы надоили молока, сколько сожгли солярки), но и что будет делаться завтра, – спроси! И не только в Битках, это беда сегодня многих: уходит руководитель на пенсию, и хозяйство разваливается... К сожалению, это произошло со многими хозяйствами.

Перестройка

Взстойное время жизнь в Битках наладилась, и не только в Битках, но по всей стране сельская жизнь расцвела. И у нас всё шло своим чередом, по плану: завод – построен, мельница – своя, пекарня – своя, молоко доим – перерабатываем, магазины – свои. Хозяйство – высокорентабельное, одно из лучших хозяйств в районе, живи и радуйся.

Но вот начинаются перемены в стране, а значит, перемены в области, в районе. Начались какие-то шараханья. Но в то время я как руководитель их не ощущал: хозяйство работало стабильно, удовлетворение от работы было, кадры были, всё складывалось нормально. Но в руководстве наверху появились какие-то крайности. К управлению стали приходить случайные люди, стали навязывать какие-то решения, стало непонятно, чего они там хотят наверху.

Вот уже и на магазинных полках не стало ничего. И начали откуда-то потихоньку-помаленьку «сыпать» то одно хозяйство, то другое. Но мы-то ещё жили. А из района нам предлагают случайные, непросчитанные решения, без основания – «просто так». Вдруг говорят нам: «Надо присоединить «Харьковский» совхоз». Ну, присоединяем. А присоединяем ради того, что нам в Битках как бы не хватало земли для производства кормов, чтобы обе-

спечить своё стадо, не хватало земли и для производства зерна в количестве, которое мы способны были вырастить. Хорошо, берём совхоз, где нам нужны только земли, которые мы способны обрабатывать сами, — а людей куда? Конечно же, брали полностью совхоз с его разваленным хозяйством и разваленной социальной сферой. Проведя там некоторую реорганизацию в агротехнике и животноводстве, применив свои технологии и культуру земледелия, мы стали получать хорошие привесы, надои нормальные, урожаи зерновых. Земли там были хорошие, и мы получали от них соответствующую отдачу. И всё шло как бы более-менее.

Потом нам, как благополучному хозяйству, предложили взять Болтово. Это не село, это хозяйство. Приезжает в то время зам. главы, а впоследствии глава района Дубовицкий Александр Васильевич и просит это хозяйство в Болтово принять к себе: «Ну, вы ж как-то справились с Харьковкой, вытащили. Возьмите ещё это. (А это хозяйство по размерам и объёму производства было чуть меньше Битков. — *Прим. авт.*) Возьмите, потому что оно объявлено банкротом и его растаскивают. Спаси хозяйство, там люди, как они будут без работы!» Вот такие аргументы.

Мы срочно проводим собрание и присоединяем Болтово к себе с таким же шлейфом необустроенной «социалки». Если экономика хозяйства проваливалась, то и социальные вопросы не решались никак. Мы эти недоделки-недоработки брали на себя, и это ложилось большим грузом на нашу экономику. Но мы по-прежнему продолжали работать, адаптировали и наполнили жизнью новое хозяйство. И у руководства, и у специалистов всё шло нормально.

И вдруг приезжает к нам делегация аж за семьдесят километров – из Верх-Сузуна. Там на общем собрании, в присутствии главы районной администрации приняли решение присоединиться к Биткам. Я беседую с главой администрации Николаем Фёдоровичем Шишкиным (ныне покойным). Я ему всегда доверял, относился к нему с большим уважением и могу о нём сказать только добрые слова. Это бывший руководитель хорошего хозяйства в Шипуново. Не думаю, что он делал это для того, чтобы нас перегрузить, чтобы мы сломались.

Я посоветовался со своими специалистами. К тому времени часть специалистов поменялась: главный агроном Кашнур А. И. ушел на заслуженный отдых, его место занял молодой и перспективный Белкин Алексей Викторович; главный инженер Вейсгар Александр Федорович был переведен руководителем одного из хозяйств нашего района, вместо него назначили Вейнгарда Антона Христиановича; в среднем звене также поменялись руководители. Пришли молодые ребята: первое отделение возглавил Симачёв Владимир Николаевич, второе отделение – Бауэр Виктор Альбертович, третье отделение — Поздняков Николай Иванович, заведующим мастерскими был назначен Бельц Владимир Владимирович. В то время мне казалось, что мы делаем одно дело и несем ответственность все вместе.

Земля всегда была основным богатством. Я подумал, что ничего страшного. Представители районной власти мне говорят: «Если Верх-Сузун просится, вы его возьмите. А вот Камышенку, его отделение, мы не отдадим: просят другие». Тут же сидят «другие» – работники охранной фирмы из Новосибирска: «Поскольку там есть гусеферма, мы бы взяли это себе».

А тут в Харьковке ещё собрание, мы со своими специалистами поехали туда. Там были представители Камышенки. И они, и всё собрание единогласно проголосовали за присоединение к нам. А я перед голосованием сказал, что по одному мне никто не нужен, зачем я из-за клочков земли буду гонять на такие расстояния технику. У Камышенки был основной массив земли. Брать – так объёмы брать. Глава, наверное, пообещал тем людям из Новосибирска отдать им Камышенку. Когда собрание прошло, эти люди встали и уехали, и глава с ними. От главы – ни слова, ни полслова, ничего...

Я остался с собранием и говорю:

– Ну, если вы это серьёзно, то у меня надо много работать.

Взяла слово учительница:

– Я имела общение с Виктором Павловичем, когда работала секретарём комсомольской организации в его хозяйстве. Покоя нам не было: у него надо работать. Вы осознаёте, куда вы руки тянете? Я лично хотела бы работать у Гилёва. Но вы, если готовы, идите. Но работать там надо много. Там не пройдёт «кое-как».

Выступление учительницы на селе – это многое значит. И народ голосует единогласно: «Виктор Павлович, прими!» Начали работать, вроде бы всё было нормально. Создали три акционерных общества, и определённые успехи в увеличении производительности были во всех подразделениях: и в Харьковке, и в Болтово, и в Верх-Сузуне. Все работали под единым расчётным счётом, финансами руководили руководитель хозяйства и главный бухгалтер. Верх-сузунцев возглавил Усов Василий Петрович, камышенцев – Агарин Юрий Васильевич, харковчан – Павлов Кузьма Сергеевич, Бол-

тово – Седых Алексей Илларионович, все – ответственные и грамотные специалисты. И этот единый коллектив (восемьсот человек трудящихся) работал стабильно. Они на побережье, южнее нас. Мы до того, как приступить у себя к уборке, посылали туда импортные комбайны, успевали убрать там хлеб, например, рожь – то, что пораньше созревает, и вернуться к себе до того, как начнётся уборка у нас. Мы не чувствовали в этом неудобств. Всё было под рукой, как надо.

Я всегда считал трудовые ресурсы. Специалисты у меня были отменные: и главный инженер, и главный зоотехник, и главный агроном и ветеринар. Мы тогда молотили третью часть зерна Сузунского района – тридцать пять тысяч тонн из ста десяти. Большой коллектив нормально жил и работал.

Потом глава района уходит на пенсию и приходит к власти Спирин Виктор Николаевич (ныне покойный). Это бывший первый секретарь райкома комсомола, потом возглавлял ЖКХ, и вот он становится главой Сузунского района. С ним взаимопонимания нет, по отдельным вопросам, как говорится, – коса на камень. Его начинает обижать наша самостоятельность, «плохая управляемость» Гилёва. И он начинает строить козни.

Некая коммерческая фирма САХО, я уже поминал ее, при попустительстве, а возможно, и при помощи администрации эти ребята начинают скупать паи. Я срочно – в машину, у Першилина в Верх-Туде как раз был семинар; нахожу там руководителей, был там такой скандально известный начальник управления сельским хозяйством области Гергерт. Подхожу к нему и спрашиваю:

– Что происходит?

– Виктор Павлович, разберёмся!

А я настаиваю на своем:

– Вы мне дайте ответ! Пусть ваши мальчишки оттуда уедут, иначе просто будут неприятности. Я вынужден буду стрелять! Вы понимаете, что делается?! У вас какие основания? У меня что, урожайность плохая? Почему именно мои земли?

А мне отвечают:

– У тебя их много!

– Так возьмите верх-сузунские, Камышенку возьмите. Вы её мне всучили тогда, я её взял с налогами и долгами, и никто ничего мне не списал, ни копейки, не пролонгировал, как обещали!

Я-то имел дело с Виталием Петровичем Мухой, он мне сказал: «Не волнуйся». Но пришёл к власти Виктор Александрович Толоконский. Ничего не хочу сказать о нём плохого, но от него мне помощи не было, обещания Мухи он выполнять не собирался. Толоконский меня только по плечу похлопывал: «Молодец. Спасибо за труд». И не больше.

Налогов мне никто не списал, и тут землю эту рвут... Я звоню в район, главе Спирину:

– Виктор Николаевич, что за дела?

А он отвечает:

– Да тебе же легче будет.

– Да не будет мне легче! Вы же мне травму наносите! Вы лучшие земли забираете!

Перенервничал. Перенёс инфаркт на ногах. Я никогда это не забуду, я пережил это с трудом. В Новосибирске мне сделали операцию: поставили два стента, надо платить. Я звоню жене:

– Валя, придётся продать машину, оказывается, стенты-то – по пятьдесят четыре тысячи.

Она звонит и рассказывает ситуацию Шишкину, тот в ответ:

– Вы что, не знаете, где взять деньги?

– Вы с ним вроде дружите, Виктор, но не знаете – он никогда не возьмёт деньги в колхозной кассе. Что ж, будем продавать машину.

– Подожди, – успокоил Шишкин и позвонил Толоконскому, и Виктор Александрович оплатил операцию, спасибо ему. И ещё приехал меня проведать в больницу. В этом же двухтысячном году Ельцину делали такую же операцию, но почему-то в Германии. Через пять лет мне поставили ещё пять стентов, инвалидность дали, вторую группу.

И я стал как бы опасаться, подумал, что сам себя угроблю. И еще вот эта обида и ощущение одиночества, ведь меня, хозяйство, людей разорjali свои же, и понятно, что не бескорыстно они это делали, но ни мне, ни людям от этого понимания легче не стало. И не шпионы это делали, не какие-то бандиты с большой дороги, а те, кто родился и жил на этой земле. И чего греха таить, мне иногда казалось, что эти люди – не рядовые, а руководители – будто мстят за что-то своей Родине, своему народу. Но откуда же столько ненависти и презрения к прошлому наследию, вскормившему тебя?!

Я пошёл на пенсию. Я и сейчас не знаю, что было бы, если б остался работать. Был бы жив или нет. Скажу честно, я глубоко обижен тем, что так поступили с хозяйством: дали возможность продавать лучшие земли на сторону, повышение цен на энергоносители перед посевной и уборочной, низкая закупочная цена, грабительская кредитная политика, а политика банков – это политика правительства, это жульнический холдинг... Министр сельского хозяйства – медик по образованию, Скрыпник стала величайшим лизинговым махинатором, а что уже про остальных говорить... Я другой

раз смотрю вокруг себя, и мне кажется, что страна сошла с ума, или, возможно, я уже умер, но не заметил этого и нахожусь в аду.

Такая у нас «демократия»

К двухтысячным годам агрофирма «Битки» стала крупнейшей в районе, я сомневался в правильности такого роста, но на всех уровнях было сказано: «Мы вам часть долгов спишем, часть пролонгируем». Обманули – никто потом ничего не списал, не пролонгировал. Поэтому все долги повисли на трудовом коллективе, в котором мы работали.

Начиналось движение фермерства, и люди, даже специалисты, начали просто растаскивать хозяйства: кто борону, кто телёнка, кто поросёнка. Этакая коллективизация наоборот, всё начали растаскивать в свои мелкие предприятия. Но мелкие предприятия на себя социальную сферу не брали. И отопление, и водопровод, и прочее надо ж было содержать. И, доверяя тем руководителям района и области, с которыми работали, мы продолжали тащить социальную заботу о людях. И скоро она стала нам не по силам. Обращаемся к губернатору, мол, тяжело, погибаем, «социалка» нас разорит, а тот уверяет: «Держитесь, мы вам поможем, окажем помощь». Никто никакой помощи не оказывал. Ни в чём.

Все мои лучшие годы, а это двадцать шесть лет, были прожиты в Битках, и я очень сожалею о том, что сейчас с Битками произошло. Люди сегодня встречаются, говорят: «Надо было иметь двух Гилёвых: один бы пусть шёл на пенсию, другой бы остал-

ся работать». Мне это и приятно, и горько слышать. Я считаю, в первую очередь здесь повинна районная власть, позволившая раздербанить хозяйство: часть отдали одному, часть другому хозяйству. Такая у нас была демократия...

Когда меня в две тысячи шестом проводили на пенсию, фирма была цела, со всей структурой и подразделениями. Я понимал свою ошибку: я не оставил после себя крепкую замену, не подготовил человека, который бы впрягся в этот обоз и потащил.

Когда фирма САХО стала скупать акции, а районная и областная власть поощряла эти действия, мы приняли соответствующее решение – сами, по соглашению с владельцами, стали скупать акции в совет директоров. Есть совет директоров из девяти человек, с этим количеством легче договориться, чем с собранием. При Ельцине началась такая дурная «демократия» – кто во что горазд, поэтому с собранием пайщиков руководителю никогда не договориться. Мы начали скупать акции параллельно с САХО, которая забрала у нас три тысячи гектаров (!) – это часть болтовских, битковских и часть харьковских земель. Это были самые лучшие земли. Руководитель САХО от министра сельского хозяйства получил орден. Он эти земли собрал, получил под них большущий кредит, деньги исчезли вместе с ним, сейчас он в бегах за границей. А земли эти брошены, заросли бурьяном, но трогать их нельзя! Вот такая авантюрная демократия.

Ну а совет директоров дальнейшую судьбу нашей фирмы решил так: разделить её на три хозяйства. «Мы сможем управлять этими хозяйствами как самостоятельными юридическими лицами, поскольку таковы обстоятельства. Но вы, Виктор Пав-

лович, нас не покидайте, будьте руководителем совета директоров».

Года два я работал в качестве председателя совета директоров на добровольной основе. На собрания приезжал из Сузуна, куда мы переехали после моего ухода на пенсию. За это время удалось подобрать руководящий состав. Когда мы разделили хозяйство на отдельные юрлица, то у каждого на расчётном счёте оказались соответствующие суммы денег. У каждого были основные средства: у кого – на шестьдесят миллионов, у кого – на сорок пять, у кого – на девятнадцать. В общем, каждому были заложены необходимые условия для работы и в поле, и со скотом.

Была полная уверенность, что всё пойдёт своим чередом, поскольку я был уверен в специалистах, которые возглавили три сотки – Битки, Болтово и Верх-Сузун. Я не учел одного, да мне и в голову не приходило, что районные власти со своими специалистами – а они в то время в управлении сельского хозяйства были люди грамотные, неглупые – будут просто в роли наблюдателей за тем, что происходит с хозяйствами в районе, и так случилось не только в нашем районе. Вдруг начали скупаться земельные паи непонятными людьми под видом инвесторов. У нас в Сузунском районе эта чехарда началась целенаправленно – это ЗАО «Заковряжново», «Шарчино», ЗАО «Мышланское», началось растаскивание земель Каргаполовского, Малышевского сельсоветов. Ладно бы у этой земли появился настоящий хозяин... Я не судья тем руководителям района, да и не только им, Бог им судья. Я уверен, что они сейчас переживают за сделанное.

В то время я работал генеральным директором в Битках, и мое имя что-то значило, нас особо

не трогали, кроме как при отчуждении земель для САХО. И как только агрофирма «Битки» разделилась на три самостоятельных хозяйства, начались разные козни со стороны власти района, а районом тогда руководил Дубовицкий Александр Васильевич.

Но надо сказать, что все пошло по пути экономии на технологиях – стали упрощаться технологии, не соблюдалась культура земледелия, и урожайность упала.

А как мне можно вести хозяйство, не управляя финансами? Это невозможно, каждый руководитель сам себе хозяин и король. Я проработал председателем совета директоров до две тысячи девятого года и ушел.

Первыми забили тревогу битковцы. Собирается совет директоров, приехал глава района Дубовицкий Александр Васильевич. «Битки» просят инвестора – им говорят, что его нет, а если кто придёт, он вас просто до конца доест, и всё. Когда еще отделялись, новые руководители раздробленных хозяйств купили импортные тракторы (конечно, эта техника завораживает). Но не посчитали затраты на обслуживание этой техники, не учли рост цен на горючее и электричество, к тому же снизилась дисциплина, урожайность, прирост и надои. В результате доходов стало не хватать даже на зарплату. Приехала комиссия из Новосибирска и приняла решение освободить руководителя «Битков» от должности, тогда он и закричал, что нужен инвестор. И вот сегодня этого хозяйства практически нет...

В Битках хозяйством руководил Симачёв Владлен Николаевич, ранее работавший механизатором, шофером, управляющим отделением, заместителем руководителя хозяйством, прошедший все

ступеньки от первой до высшей. Совет директоров доверял ему, а я верил ему и надеялся: всё будет хорошо, справится. Не пойму до сих пор, что пошло не так. Мне кажется, он переживает сейчас не меньше меня. Или не хватило ему опыта, а может, передоверился специалистам, в результате поле и ферма перестали давать должный объем продукции, а отсюда и финансовые затруднения – неплатежеспособность, закредитованность.

Он вынужден был обратиться в совет директоров и попросить помощи. На совете директоров было руководство района во главе с Дубовицким А. В., начальником Управления сельского хозяйства Севрюженко А. Б. Было принято решение: подключить инвестора в лице Кириллова, в то время он работал на Болтовском заводе. Я единственный, кто голосовал против данной кандидатуры. Я отчетливо понимал, что это случайный человек, человек, родившийся в городе и проживавший там, – как можно управлять хозяйством с колеса? Результат – банкротство! А всего-то требовалась помощь властей района, дать возможность хозяйству перекредитоваться, а не искать инвестора.

Сейчас отчетливо начинаешь понимать, для чего и кому это нужно было. Точно по такой же схеме было сработано с ООО «Болтовское». Хозяйство работало более стабильно, и нужно было дать возможность хозяйству перекредитоваться, и нужно было 5–6 миллионов рублей. В Верх-Сузунском хозяйстве руководителем был бывший главный агроном агрофирмы «Битки», а нынче директор хозяйства Попрыга Олег Леонидович. И самое интересное, хозяйство банкротом объявил Сбербанк.

Мне как человеку, прожившему 75 лет и отработавшему в сельском хозяйстве 55 лет, а из них

38 лет на руководящей работе, отдельные моменты по сей день непонятны. Движемся вперед, наука нами движет – а по прошлому времени ностальгия. Более стабильное время было: четкие планы во всем, и сдавали мы государству зерно, молоко, мясо, яйцо, шерсть, шкуры КРС, овчину и т. д., и даже металлолом, и всё это было на особом контроле у каждого здравого человека в голове, у руководителей всех уровней.

Помню, утром, еще до работы комбайнов, увозили на элеватор зерно, а вечером этого же дня на расчетный счет хозяйства поступали деньги за это зерно. То было время дисциплины четкой и понятной – государственной. А самое главное – это цены соответствующие, например, если один литр молока стоил двадцать четыре копейки, а дизельное топливо шесть копеек за один литр, то такая ценовая политика позволяла хозяйству работать рентабельно. У хозяйства была возможность строить производственную базу, благоустраивать село, и всё это видели люди и не ждали милости извне. На селе строились школы, детские сады, магазины, и самое главное – люди строили жилье, улучшали свои жилищные условия, там самым были привязаны к селу, к своей малой родине. А потому и недостаток кадров так не ощущался, как сейчас. Ведь было в наше время в обязательном порядке: мужчины должны были отработать за год 280 дней, а женщины 265 дней. А сейчас созданы центры занятости – для кого? Мне кажется, что для тех, кто работать не хочет.

Мне просто жаль сегодняшних руководителей, как им непросто решать вопросы трудовой дисциплины в том или ином коллективе. Это мое мнение, и я не претендую на истину в последней инстан-

ции. И если уж зашла речь о руководителях, то очевидно, что власть сегодня их не бережет, не опекает, недооценивает. Их просто бросили под все карательные службы, и руководитель сегодня барахтается со своими проблемами в одиночестве, он живет и работает как между кувалдой и наковальней. Такое отношение неправильное, и надо помнить всем поколениям руководящих кадров, что есть руководители, которые работали до вас, при вас, и надо знать, как они живут, с какими проблемами. Мы люди разные, удобные и не очень, но мы создали то, чем пользуются люди сегодня. И главное, наступит день, когда и вы уйдете на заслуженный отдых, и важно, чтобы и вас в свою очередь не бросили на произвол судьбы.

В свое время по решению райкома партии и райисполкома я работал в шести хозяйствах района – куда приказывали, туда и ехал трудиться на благо народа. Шесть хозяйств – это шесть переездов с семьей, детьми, скарбом, и никогда ни при какой личной ситуации не сказал слово «нет».

Я всегда говорил и говорю, что мы росли и воспитывались в стабильное время, хотя были и трудности. Но я с большой гордостью вспоминаю, что я жил и работал с уважаемыми людьми, заботливыми руководителями района: с Кошелевым Василием Алексеевичем, Уваровым Александром Петровичем, Шуваловым Геннадием Александровичем, Шишкиным Николаем Федоровичем; с замечательными руководителями хозяйств – Дергуновым Петром Кондратьевичем, Орлом Михаилом Марковичем, Агариным Евгением Андреевичем, Губерновым Петром Антоновичем, Седых Алексеем Илларионовичем. Это люди-глыбы!

Директор откормсовхоза «Сузунский».
В рабочем кабинете (1978 г.)

Контора агрофирмы «Битки». (2000 г.).

Праздничный фуршет
после заседания совета
директоров сузунского
свинокомплекса.
Слева А. И. Сеченов,
директор
свинокомплекса
«Сузунский» (1993 г.)

Выступление
на общем собрании
передовиков
производства
агрофирмы «Битки»
(1996 г.)

Директор агрофирмы на рабочем месте

С рабочим визитом в агрофирму «Битки» секретарь обкома КПСС
А. А. Кошелев и первый секретарь райкома КПСС Г. А. Шувалов.
Справа – В. П. Гилёв

Слева – глава района Н.Ф. Шишкин и гость района – губернатор И. И. Индинок

Конюх агрофирмы Виктор Аникеев с племенным жеребцом по кличке Чекан

Районный праздник урожая (1992 г.)

Рабочий визит секретаря обкома В. А. Кошелева (слева) и секретаря райкома Ю. А. Целёва (справа) (1990 г.)

Праздник, посвящённый окончанию весенне-полевых работ.
Справа от В. П. Гилёва секретарь парткома шаргинского совхоза
Минаев и директор совхоза «Шаргинский» В. П. Заикин

Встреча руководителей района. Слева направо: В. В. Строганов,
руководитель Верх-Сузунской народной киностудии «Деревенька»;
Ю. А. Целев, секретарь РК КПСС; В. А. Кошелев, секретарь обкома
КПСС; В. П. Гилёв, гендиректор агрофирмы «Битки»; Е. А. Агорин,
председатель колхоза «Заветы Ильича» (1990 г.)

Счастливая судьба

В слове «судьба» угадываю слово «суд» – это слово какое-то безнадежное и роковое. Но бывает горькая судьба, а бывает и счастливая судьба, значит и суд может быть беспощадным, а может быть милостивым. Я рассказал о своей судьбе, не боясь общественного, то есть вашего, суда, мой читатель. Да, конечно, я родился в первый послевоенный год, мы недоедали и носили очень простую одежду, которая не отличалась модным фасоном, но мы родились в Советской стране, а это уже было счастливой судьбой; мы воспитывались на примерах героев войны и труда, отличавшихся самыми благородными, самыми высокими нравственными качествами, и мне очень жаль, что мое поколение не смогло сохранить тот великий советский дар наших отцов для своих детей и внуков.

Я рассказал о своей жизни для того, чтобы молодой читатель с помощью моей книги смог заглянуть за пределы экрана телевизора или компьютера и узнать о судьбе людей, живших в стране, в которой любой мальчонка (или девчонка) из самого глухого уголка нашей необъятной Родины мог стать настоящим человеком: честным, трудолюбивым, добрым, и всё благодаря своему труду на общее благо, который и помогал ему стать счастливым. Я знаю, наш опыт и наш труд не прошел даром, справедливость в нашей стране опять восторжествует и сделает уже ваше будущее счастливым.

Благодаря книге я обернулся назад, еще раз оглядел все укромные уголки своей прошедшей жизни и с облегчением вздохнул: да, трудная, непростая, но счастливая у меня судьба, и я не боюсь суда людского.

СЛОВО О ДРУГЕ

**Аксёненко
Сергей Васильевич**

Отработав более десяти лет начальником Управления финансов и налоговой политики администрации Новосибирской области, я ушел на пенсию, но связи мы не теряли и периодически созванивались с Виктором Павловичем.

Как-то он говорит:

– Скучно дома сидеть.

– А давай, – предложил я, – сделаем в Сузунском районе хорошее место: или плавбазу, или маленький дом отдыха, ведь для отдыха там такие прекрасные места, просто чудесные – Медвежий Угол например.

Остановились на Поротниково.

– И что я буду делать? – спрашивает он меня.

– Как что? Просто надо делать красоту, чтобы всё было аккуратно, и чуть-чуть с прицелом – ведь гости же будут приезжать, застолье и общение. Надо будет и землю оформить, чтобы всё по закону, причал обустроить...

Он сразу:

– Вот мы причал построим, но надо бы место, где поставить лодки и простым мужикам, ну, деревенским, чтоб это было культурно, меньше воровства и уважение к людям.

– Нет вопросов, уважим!

И началась работа. Он сам со своим другом Михаилом Кисловцом возил береговые лесенки типа подходы к воде. Улучшали подъездную дорогу.

Потом звонит и предлагает:

– Надо ёлочки посадить, ты же, мол, про красоту говорил.

– Ну, давайте будем сажать. Что для этого надо?

– Ёлки и немного денег, там отвезти-привезти, людям опять-таки немного заплатить.

И как-то у меня с ним настолько абсолютное доверие, что никогда мы не требовали друг от друга ни сметы, ни утверждения расходов: надо – значит надо! У меня как у профессионального финансиста выработалось качество видеть глубоко. Например, приносят смету на стройку, говорят:

– Вот столько-то кирпича, столько того, того...

Я говорю:

– Всё – враньё! Идите, пересчитывайте!

– А чего не так? Руку даём на отсечение!..

– Ну так давайте рубить! Кирпича-то у вас в полтора раза больше.

– Ну как же так?..

– Да просто: вот отчёт о строительстве вон того дома. Он в два раза больше, а кирпича ушло столько же.

– Да? О, точно! Мы там, это самое, переносили...

Я не говорю, что это враньё, а говорю поделikatнее – мол, вы, наверное, невнимательны.

А с Палычем – всё наоборот.

Он всегда говорит:

– Вот этого – столько.

Я говорю:

– Да нет, не справишься. Наверное, больше надо.

Он:

– Нет! Мы вот это – сами, это – сами, а тут, никуда не денешься, надо либо трактор, либо кран, либо чё-то...

Ну вот, так мы с ним и продолжаем взаимодействовать. А потом оказалось, что мой сын с его внуком в одной команде и в одном классе учились – в спортивном клубе – в школе «Сибирь», тоже постоянное пересечение. На официальные игры Палыч приезжал, я тоже присутствовал. Внук Гилёва, Саша Гилёв, который сейчас в Оренбурге, он одноклассник моего младшего сына Тимофея и, соответственно, в одной команде. Они дружат, созваниваются, общаются. Вот и мы с Виктором Павловичем, так случилось, лет пять часто встречались ещё и на хоккее, когда наши ребятишки играли. Он заводной, всегда поддерживал своего внука, вёл с ним патриотические беседы. Внук – вратарь, а вратари – это всегда особенная психология. Ну, вратарям больно, это часто бывает. Чем старше, тем больнее.

Палыч интересный человек, самобытный. Я бы назвал его «красный директор» – директор социалистического времени: умел всё и знал всё – от политики до каждой гаечки, когда всё – под карандаш (тогда не было компьютеров). Такие люди всё пропускали через себя, потому что понимали: без тщательно настроенного механизма управления ничего не получится, бизнес ведь – это «атомарное» понятие. Это, кстати, понимают настоящие бизнесмены и постоянно думают о коллективе и его прочности, потому что без этого никакого бизнеса не получится.

При социализме тоже очень много внимания уделялось кадровой политике, и те, кто хоть немножко проработал в социалистической системе,

понимают, что директорами тогда «просто так» не становились. Будущие директора должны были пройти и хозяйственные, и партийные должности, и в конце концов из них вырастали разносторонние руководители, которые разбирались во всём и умели предсказывать, и вовремя реагировать на все вещи.

Что такое вписался, не вписался Гилёв в новую систему бизнеса? Практика показала: именно в сельском хозяйстве, с системой выборных должностей, к власти стали приходить непрофессиональные, некомпетентные люди. Сплошь и рядом стали повально резать скот на мясо, за бесценок продавать технику, стали зарастать бурьяном и березняком поля.

Гилёв не мог это терпеть и поэтому он вовремя ушёл на пенсию. Народ почему-то идёт за крикунами. Я знал, что Виктор Павлович это сильно переживал. Его руководителем поставили акционеры, но получилось то, что получилось. Здесь комок обстоятельств: говорить, что Палыч чего-то недоглядел или его авторитарный стиль руководства отпрыгнул так, что нет подготовленного зама, и так далее... Я бы так не рассуждал, потому что со стороны государства сработало всё вместе: и сама государственная система, и отношение к стоимости топлива в сельском хозяйстве, и уход от перекрёстного субсидирования и молочно-мясного направления, и растениеводства, – здесь всё вместе. Ведь многие бизнесмены что сделали: убрали коров, убрали мясо; посеяли, убрали, продали – прибыль. А до этого ведь за счёт земледелия содержалось и молоко, и мясо, и всё остальное, что было слабо защищено от новозеландского масла, которое дешёвое и его не так дорого доставить сюда, а коров надо

содержать круглый год, это совсем другая себестоимость. Поэтому я не стал бы говорить о вписывании или не вписывании Гилёва в такой «бизнес». Он остался верен своей системе, назовём её социалистической или коммунистической, – той, которая была, в которой он жил. Он назвал её общинной. Община – это дело правильное, верное, потому что раньше жили колхозом, и это коллективное хозяйство на самом деле – община. А что такое счастье? Быть частью общины. Член общины был её частью, на него распространялся доход, пай, трудодень и так далее.

Да, у Гилёва общинный бизнес. Есть те, кто его недолюбливал, потому что он строгий, но есть и те, кто его любил. Палыч в этом плане своеобразный человек, он ни перед кем не гнулся, и порой его сдерживали, чтобы с критикой на действующую власть не нападали, «не отливал пули» против себя. Он не боялся входить к главе, спрашивать там то-то и то-то, иногда неудобные вопросы... В моём понимании это нормально. Я считаю, что есть люди, как Палыч, но есть и другие – обтекаемые, дипломатичные. Я всегда рассуждаю по другому критерию: все люди разные, но лишь бы они не были подлыми. Подлость – это страшный порок. Остальное, наверное, имеет право на жизнь. По крайней мере, мы с Палычем всегда находили компромисс в делах. Вот мне звонит глава района и говорит: «Там твой Палыч опять всех на уши поставил, орал, ногами топал». Я говорю: «О-о! Топал – значит вы его довели». – «Но ты же не орёшь!» – «Ну, значит, не умею, наорал бы с удовольствием, но родители не научили».

Потом всё сладилось, опять дружба и мир, нормальные взаимоотношения. Он имеет своё мнение и прямо его высказывает, и это правильно. Прав-

ды бояться нельзя, но не все эту правду любят и не все её говорят. Палыч эту правду говорит в глаза. Я люблю такие отношения, они мне нравятся. Я по этому поводу говорю: «Я готов выслушать любой вопрос, но при этом вы должны быть готовы выслушать любой ответ, вплоть до «Да пошли вы подальше!». Тогда мы друзья. А если по-другому, если нам нужны дипломатические отношения, тогда мы – знакомые. Знакомых много, друзей, которым всё прощаешь, – мало».

Палыч человек именно такой. Он – упёртый, но с ним поговоришь, всё растолкуешь, он: «Всё понял! Спасибо!»

О существовании музея Сузунского монетного двора, который в то время был в страшно разбитом состоянии, я узнал от Виктора Павловича. Он говорит мне: «Есть такая проблема. Как бы привести это в надлежащее состояние, ведь это гордость нашего района?» Это первое. Второе моё действие было – я переговорил с главой района, подняли все документы. И третье моё действие было – я уже переговорил с министром финансов. Объяснил ситуацию: дайте чуть-чуть денег навести порядок, это же казённое, там монеты находят и так далее. И уже после письма Толоконского расписал начальнику Гознака, и Гознак профинансировал ремонт музея. Первоначальная инициатива этого была Виктора Павловича. Не потому, что он там «тельняху порвал», но – обратил внимание. В результате было выделено на восстановление музея девять миллионов рублей, по тем временам деньги громадные. Тогда было безденежье, и просто так копейка никуда не уходила.

Вроде бы мелочь, вроде бы никто в районе до него не знал об этом. И таких «мелочей» было много.

Тыртышный Владимир Иванович

Сы познакомились с Виктором Павловичем более двадцати лет назад. Тогда я работал заместителем председателя «Областной сельхозтехники», потом, создав фирму ООО «Техпарк», полностью обеспечивал агрофирму «Битки» горюче-смазочными материалами, с доставкой и всеми возможными скидками. Многолетнее сотрудничество переросло в дружбу, и мы, по обстоятельствам, всегда друг другу помогали. Я помог ему открыть счёт в «Банке Москвы», с которым он удачно сотрудничал. Потом уже, в знак благодарности, он пригласил заведующую банком Барановскую на свой юбилей, и она с удовольствием посетила его хозяйство.

О Викторе Павловиче прежде всего хочется сказать, что он отменный специалист – агроном. Однажды приехал ко мне на дачу, заглянул в парник и говорит: «Что тут у вас творится?!» – и давай срывать всё лишнее. Моя супруга даже возмутилась, но я остановил её, сказав, что он специалист. Виктор Павлович быстро навёл там порядок.

Мы давно дружим семьями. А свело нас то, что он человек слова, порядочный. Я это в людях ценю. Если мы что-то обещали, мы обязательно выполняли. Мы до сих пор поддерживаем отношения. Как-то он мне звонит: «Замерзаю!» Холодно у него было. Я взял котёл и поехал к нему, поставил этот котёл, пошло тепло. Но котёл был электрический и потреблял очень много энергии, поэтому Гилёв через пару лет опять звонит: «Что-то он уж больно много энергии берёт!» Хорошо. Технология не стоит на месте, я привёз ему новые батареи, которые напря-

мую подключаются к электричеству, выставляешь нужную температуру, и они её поддерживают, экономя электричество. Это ему так понравилось, что он через год ещё одну батарею попросил. Приехали к нему, поставили, он потом позвонил: всё хорошо работает, экономия электроэнергии – значительная, всё нормально. Работает до сих пор.

Конечно, ему было трудно, когда он объединял пять бывших совхозов в одно хозяйство. Но главное-то в том, что он эти разваливающиеся хозяйства превратил в передовое предприятие. Мы с ним были на совещании в оперном театре, где ему персонально вручили уазик для совхоза. Но в этом укрупнении скрывалась и опасность, ведь сверху ему настоятельно предлагали взять уже практически растащенные хозяйства, обещая компенсировать расходы. На деле – никто ничем не помог и ничего не компенсировал. В том-то и беда, что к власти стали приходиться коммерсанты, то есть торгаши. Порядочных осталось очень немного.

Архипов Сергей Николаевич

Сейчас я работаю директором Верх-Сузунской общеобразовательной школы, а когда-то работал директором Битковской общеобразовательной школы. В 1986 году я приехал в Битки молодым учителем после окончания Новосибирского пединститута по специальности «учитель физики и информатики». Приехал вместе с женой Любовью Викторовной, учителем русского языка и литературы. В 1990 году я стал директором Битковской школы. В то время она была одной из самых крупных

сельских школ в районе. В середине девяностых в ней училось более четырёхсот пятидесяти детей. Когда я стал директором, то приходилось решать многие вопросы непосредственно с директором совхоза Гилёвым Виктором Павловичем.

Девяностые были самые трудные годы не только для предприятий, но и для образования. Из-за отсутствия необходимого финансирования школы приходилось обращаться к Виктору Павловичу, он на эти обращения откликался, оказывал материальную помощь. Так, например, в то время как раз вводили в школах информатику, а оборудования не было, всё объясняли на пальцах. Решил обратиться к нему, он пошёл навстречу, и мы купили компьютеры, в то время это были ЕС-1840. Вначале мы получили два компьютера, а потом он передал свой, и у нас стало три компьютера. Благодаря такому взаимодействию инфраструктура школы постепенно всё-таки развивалась. К юбилею школы он подарил нам новые компьютеры.

На наших школьных праздниках всегда присутствовали представители администрации совхоза – и всегда с подарками. Это, конечно, не без его участия. В свою очередь школа старалась оказать посильную помощь агрофирме – и во время уборки урожая, и при подготовке земли к пахоте. Потом мы оговорили с Виктором Павловичем возможность для школы зарабатывать деньги. Нам выделили участок порядка шестидесяти гектаров. В школе был один гусеничный трактор с плугом, мы начали пахать. Нам выдали на семена зерно, мы засеяли поле, мы помогали агрофирме на уборке урожая – и дети, и учителя. У нас был мастер производственного обучения – тракторист и завхоз, он тоже был связан с техникой, потому, когда весной

техника в хозяйстве освобождалась, Виктор Павлович давал нам сеялки, комбайн и специалистов. В эти дни старшеклассники проходили практику по производственной программе. Выделял дизтопливо, помогал нам финансово и оборудованием для нужд школы.

Связь с хозяйством поддерживалась постоянно. Например, когда агрофирма начала осваивать подсолнечник, то при обмолоте на полях оставалось много разлетевшихся шляпок подсолнечника. Как собрать? Хозяйство обратилось к нам, и наши школьники ходили по полю, собирали – как когда-то колоски. Собрали около тридцати процентов от снятого урожая – это ощутимо!

Помню, мы и картошку копали, и турнепс убирали, все жили одними заботами об урожае. Никто из родителей не возмущался, это было самое настоящее и очень важное трудовое воспитание. Это сегодня сложности: ребёнка нельзя заставить пол помыть, не только тряпочку намочить и убрать за собой. Раньше жили одной семьёй, было интересно.

Мы встречались не только по рабочим вопросам, иногда, как говорится, встречались без галстуков – выезжали на природу, с Валентиной Григорьевной, супругой Виктора Павловича, и внуками нашими, детьми. Детвора была одного возраста. Часто мы выезжали на Обь с ночёвками, отдыхали, у костра сидели, картошку пекли, шашлыки жарили, ребятишки купались.

Бывало и такое – Виктор Павлович позвонит:

– Сергей Николаевич, чем занимаешься? Есть время?

– Да, есть. А в чём дело?

– Да я уху тут сварил. Прибегай, уши похлебаем!

Вот такое общение, хотя мне тогда было-то лет тридцать, а Виктору Павловичу уже под пятьдесят, а мы находили общие темы для разговора. Обсуждали политику государства, в частности нововведения тогдашнего министра образования Фурсенко, бывало, спорили. Мне всегда интересно было общаться с Виктором Павловичем.

Кисловец Михаил Антонович

Д сейчас пенсионер, а раньше работал тридцать лет директором Сузунского маслозавода.

У Гилёва Виктора Павловича характер основательный, он хозяйственник до мозга костей. Например, если он поручил забить тридцать пять штакетов, то он выдаст ровно семьдесят гвоздей и ни гвоздя больше. Если потом гвоздь будет загнут или потерян, это уже проблемы того товарища, которому поручили, нечего гвозди гнуть.

Если бы таких руководителей десятка два было, то район стал бы лучшим не только в нашей области. Сейчас беда в стране – все и везде, особенно на местах, воруют, тащат. Такая страна, что невозможно даже отследить, невозможно за кого-то поручиться, золото килограммами тащат! Вот последнее показали – Фургал. Президент ясно сказал, а никто ж не слышит: «Как губернатор он меня устраивает». Но его судят-то не за это.

Так вот, Виктор Палыч – человек уникальный. Я вообще звал его Пиночетом – диктатор потому что, у нас в России по-другому нельзя. Мы без звезд

дюлей – как без пряников, это железно! Я за жёсткий порядок, за дисциплину! И это мне симпатично в Гилёве. Сказал – проверил, не сделал – наказал! От этого ведь зависит не только авторитет руководителя, а работа всех остальных людей, это же цепочка.

Я ещё скажу: почему у нас так все хреново? Раньше всё шло от земли: вот я подросток – меня дальше двигают, я еще подросток – меня дальше, смотрю, я уже министр! А сейчас для людей – вертикали нет! Для всех – горизонталь, и та кривая! Поэтому не стоит винить тех людей, которых над нами поставили. Его поставили, а он не знает, что там внизу делается, – он вообще ничего не знает и понятия даже не имеет!

А Гилёв прошёл от А до Я так же, как и я. Когда мы с ним работали, у нас проблем не было: было слово, сказал – сделал. Всё! Не надо было никаких проблем ни придумывать, ни изобретать. Вы же знаете, какая у нас есть черта – пошущукаться за спиной, на кухне, а нет чтобы в глаза, прямо и честно. Вот Гилёв, он человек прямой, за кулисы не прячется.

Гилёв с людьми умеет разговаривать: требователен – стопроцентно, и уважителен, если нужна помощь, поможет. Умеет дружить, это редкое качество, к сожалению, у меня его нет. Он никогда не забудет, кто там родился, когда родился – какой-то гостинец отправит и позвонит, поздравит. В нём требовательность сочетается с добротой. Если к нему домой придёшь, у него там стоит котёл какой-то на солёрке. Если там надо чего открутить тремя ключами, постелена чистенькая тряпочка, на ней – три ключа, всё! Порядок! Остальное всё чисто. В огороде – идеально всё! Ботву от картофеля, помидоров

он режет ножницами и зарывает в землю. У него этот же принцип, подход перенесён и на предприятие. Как учили старые люди: как поступить руководителю? А ты поступи так, как поступил бы дома, не ошибёшься. Или относись к людям так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе.

У Гилёва стукачей не было, ему на ухо никто не шептал, потому что он сам всё знал, где, кто и с кем... Гилёв никогда не слушал интриганов. Я считаю, что он парень резкий: если что, может и в лоб дать – вспыльчивый, как и я. Не терпит оскорблений в свою сторону. Молодец, так и надо. Он очень уважительно относится к женщинам, никогда их не оскорбит.

Жалко, что не наградили его, хотя в области о нем разговоров много было: «О, Виктор Павлович! Он такой!..» Не увидели. Не поцеловал он, куда хотели, вот и не наградили.

Я скажу, молодёжи есть чему учиться у него. Есть! К тому же он очень скромный. Вот, например, когда делили хозяйство, я говорю ему: «Сделай себя председателем совета с оплачиваемой должностью, это нормально. Рублей тридцать там, сорок». Вот эта скромность непонятна мне. Потом нахлебался там по самое горло и остался на бобах с голым задом.

Или вот, это было при мне, когда Сергей Васильевич попросил его, сватал на эту баржу. Я потом говорю: «Сергей Васильевич, а вы хорошо подумали? Он же себе покоя не даст, а вас заколебают. Потому что там должно быть всё идеально: порядок, чистота!..» Палыч всегда говорит: «Делай хорошо, а плохо само получится».

Для него характерно: как что-то передовое появится – Палыч уже там, постоянно принимал участие. Кукурузу сеять «Пионером» – он первый был.

Никто больше так не вырастил, как он, потому что он посеял как положено. По два с половиной метра были стебли с початками! Начали первые строить алюминиевые тамбуры, такие красивые, у административных зданий. Он первый построил.

Ему всегда надо было первым быть. Мотивация железная: когда у человека есть чувство быть лидером, первым, – всё, он прёт, как танк! Это как в спорте, честолюбие всегда побеждает. Он молодец: За что ни возьмётся, всё получается. Я с ним в разведку, если что, пойду.

Попрыга Олег Леонидович

А сейчас директором ООО «Болтовское» работаю. А Гилёв действительно человек-легенда. В 2005 году наши пути пересеклись. Я тогда работал в Черепановском районе, Виктор Павлович меня нашёл, не знаю, кто ему посоветовал, он заехал ко мне домой. Мы поговорили, он предложил мне должность в его хозяйстве. В то время Виктор Павлович работал генеральным директором агрофирмы «Битки». Это было довольно громоздкое хозяйство, одно из самых больших в районе, оно было на слуху, и имя Виктора Павловича было известным. Я знал, что это был за человек, хоть и не был с ним знаком до этого момента. Поскольку хозяйство в Черепановском районе, где я работал, уже умирало, и я тридцатого апреля, не раздумывая долго, поехал посмотреть, что там за «Битки», а восьмого мая уже вышел, устроился у него на работу. Так и началась наша совместная трудовая деятельность. Мы проработали вместе порядка десяти лет.

Мне иногда задают вопрос: как я смог с таким человеком сработаться? Тогда Гилёв был вспыльчив, грубоват, не без этого. Виктора Павловича, видимо, устраивало, что я, как главный агроном, выполнял свои обязанности и поручения, и ко мне он всегда относился уважительно. Но работали мы вместе недолго, потому что через пару лет Виктор Павлович, выработав свою трудовую пенсию, пошёл на заслуженный отдых. Но сначала он предлагал мне одному остаться за него. Виктор Павлович планировал на тот момент перебраться с семьёй в Сузун и как-то со стороны наблюдать и помогать, не уходя с поста генерального. Мы собрали правление, посоветовались и решили всё-таки разделить агрофирму «Битки». В 2007 году мы его на три части разделили. С тех пор я возглавляю Болтово. Я считаю, что мы правильно поступили, что разделили хозяйство. Время наступило такое, что стало сложно справиться без кадровой поддержки. Представляете, это было начало двухтысячных годов, не было никакого технического переоснащения: старые трактора, старые фермы, нехватка людей – катастрофа по большому счёту... И то, что мы поделили это огромное хозяйство, я считаю абсолютно правильным шагом. И потом Виктор Павлович в стороне не оставался – до 2014 года мы вместе работали.

Я, конечно, не прошёл, как он, все ступени становления. Когда я пришёл к нему главным агрономом, он мне говорит: «Вот твоё растениеводство, и, в принципе, ты там что хочешь, то и делай, я тебе даю задание произвести это и это. Ты сей, производи, продавай». Свобода действий была полнейшая. Конечно, я основные моменты согласовывал. В животноводстве был такой же подход. Мы к тому

времени стали специалистами, готовыми ко всем руководящим моментам.

Он нам и зимой не давал отдыхать. Я, будучи агрономом, постоянно присутствовал в различных комиссиях и на фермах, и на других производствах, он отправлял и на учёбу, и на семинары, и на другие мероприятия. Этому человеку дано от природы видеть суть, понимать, кто перед ним, что за собеседник. Ему небезразлична семья своего сотрудника: как там быт, как со здоровьем твоей супруги, детей и всё остальное. В этом плане он молодец. Я, например, этим похвастаться не могу.

Такое качество, как тотальный контроль за всем, как-то в нём сочеталось с доверительностью и пониманием. Я тогда был ещё молодым специалистом, взял новых партнёров по обработке гербицидами, и мы около ста двадцати гектаров пшеницы «подпалили». Другой бы мог не только выволочку устроить, но и наказать, или в суд подать, или просто сломать человека. Этого, слава богу, не произошло. Он, понятно, пожурил и сказал, чтобы действовал в будущем поаккуратнее: это же деньги, и немаленькие.

Бурная эмоциональность, порывы гнева в определённой ситуации и с определённым контингентом помогают: люди стараются не попадать под волевым напор, не давать для этого повод. Постоянное занудство, может быть, хуже на психику людей влияет, чем когда быстренько отругал и отправил восвояси заниматься своими делами. Ведь нерадивый почувствует, что это серьёзно, что за такое завтра могут выгнать с работы, с этим мириться не будут. Это что касается взрывного характера. Я тоже теперь стал «эмоциональным» – может, это и неправильно, но, повторяюсь, с определённым контингентом это помогает.

И о «сплошном контроле». Есть поговорка: «Доверяй, но проверяй». А у Виктора Павловича я научился «проверять». Я своим сотрудникам вполне доверяю, но частенько их и проверяю. Они это знают, знают, что рано или поздно я узнаю всё. Ещё я перенял у Виктора Павловича многообразность интересов. Он, кроме обширных управленческих, жил и общественно-политическими интересами. Я тоже одиннадцатый год являюсь депутатом райсовета, мне небезразлична жизнь района. Одно время возглавлял комиссию по налогам и бюджетной политике. Мне интересны социальная и бытовая сферы жизни людей, экономика района в целом.

Виктор Павлович очень порядочный и честный человек, он всегда разобьётся, но сделает всё, что обещал, в срок и вовремя. Я этим ещё не могу похвалиться. А он человек, наверное, ещё старой, советской закалки, ему надо, чтобы обещанное было сделано в нужном качестве и в срок. Он молодец в этом плане. Я хочу сказать, что это человек, с которым можно идти в разведку.

Севрюженко Андрей Борисович

До того как я стал председателем Совета депутатов Сузунского района, я 13 лет работал начальником управления сельского хозяйства, а перед управлением сельского хозяйства работал главным инженером ЗАО «Шарчинское», это хозяйство находилось по соседству с Битками.

Когда Виктор Павлович приехал в Битки, я ещё учился в школе. Окончил школу я в 1983 году. Ещё при старом директоре мы приезжали в Бит-

ки на конкурсы-смотри и с художественной самодеятельностью. Нам, ученикам, по большому счёту было всё равно, кто там руководит, иногда видели его на линейке. Мы играли в хоккей и ездили в соседние сёла. Однажды приехали в Битки на товарищескую встречу, где проходили различные соревнования. Меня брали и во взрослую команду, и тогда я услышал, что приехал Гилёв Виктор Павлович, про которого тут говорили, что он тут всем крутит-вертит и гайки всем заворачивает, и что у него отношение к спорту особое.

Я, ещё учась в школе, заметил: что касается культуры, спорта, клуба, – он этим «болел», он считал, что у него в хозяйстве это должно быть на уровне и не хуже, чем где-то там. И он в это дело вкладывал средства и людей поддерживал. Это я видел своим детским взглядом. Мы понимали, что если что-то где-то случилось, например, сломался автобус, то надо обращаться к Гилёву, и всё тут же решалось. Тогда автобус от райцентра доходил только до Битков, а дальше надо было пешком идти двадцать километров. В таких случаях, а я сам был этому свидетелем, заходили к нему: «Нам надо доехать, а автобус не пришёл. Помогите». Он кого надо вызывал: «Заводите или машину, или автобус, и отвезите шарчинцев домой». Это то, что я помню в тот советский период своей юности.

Потом, в 1983 году я, окончив школу, поступил в институт. В сторону Битков, помню, в то время уже прокладывали асфальт. Сами Битки начали хорошеть, появились новые дома, стали преобразоваться улицы.

Пять лет я проучился в сельхозинституте на факультете «Механизация сельского хозяйства». Окончив его в 1988 году, я пришёл работать в сов-

хоз «Шарчинский» и, естественно, стал сотрудничать с соседями. Тогда я увидел, что Гилёв – это директор прогрессивного склада. В девяностом году его имя в районе звучало, к нему прислушивались. Я присутствовал на совещаниях, где он выступал, он говорил обо всём откровенно, ничего не утаивал, критически. Начальству это не нравилось.

По работе мне приходилось бывать у них в хозяйстве, и первое, что бросилось в глаза, – это высокая культура растениеводства. Если через поле шла линия электропередачи, то каждый столб был окопан вручную, чтобы не получился огрех. А если таковой случался, то Виктор Павлович заставлял возвращаться и заделывать его. У него ощутимо росла на полях урожайность.

Мой друг по институту Белкин работал в это время в Битках у Гилёва агрономом. Из разговоров с ним я представил себе директора железным монстром. Мне самому, на совещаниях или за чаем, не приходилось близко общаться с ним. В девяностые годы мы стали у него покупать технику, а у него было всё прогрессивное. Мы тогда ещё не задумывались об импортной технике, а у него уже были ФЭНДы, плуги импортные, он вёл переговоры с иностранными фирмами о новой технике. Поразило и то, что он всех своих специалистов, начиная с бригадиров, посадил на узики. Тогда они были в страшном дефиците, они были лимитированы. «Зачем всех?» А Виктор Павлович говорит: «А ты сам подумай!»

Я так прикинул – да! И ведь действительно, на каждой машине рация, ты видишь – или она дома стоит, или на работе. Видно специалиста, где он работает, он не спрячется ни в конторе, ни в кабинете, он на виду и всегда на связи. Эффективность управления значительно повысилась. Я и в своём хозяй-

стве стал сторонником того, чтобы хотя бы ведущим специалистам дали машину и повесили рацию.

Такие меры – это не элемент недоверия руководителя к специалистам и не инструмент контроля над ними. Машина с рацией – это средство контроля не за человеком, а за ситуацией, это средство оперативного управления. Виктор Павлович, придя в Битки, команду специалистов не поменял, не провёл чистку, значит, он доверял этим людям и стал с ними работать дальше. Хотя у каждой деревни свой менталитет, и люди вроде одинаковые: режем поросят, пьём самогонку, а отношение к культуре, к общественному труду – разное. И тут его недоверие оправданно. Поэтому он разнарядки проводил утром и вечером. Специалисты жаловались на это. Я знаю, что у него был завгар, который любил маленько поддать. Но он его не выгнал, он не выгонял никого, он просто заставлял работать, это была его черта. Уходили те, кто уже никак не мог справляться со своей работой. Но он давал возможность роста тем, кто работал добросовестно. Он механизаторов назначал бригадирами, как, например, братьев Симачёвых. Он продвигал тех, кто был способен на большее. Он воспитывал кадры, он их гонял, но относился к ним бережно. Да, контролировал их, ведь для него главным было – выполнить поставленную задачу, и этому было подчинено всё. Какой ценой вы это сделаете, ваше дело. Потом можете рассказать, какой ценой вы сделали.

Так вот, в связи с этим расскажу случай. Срочно понадобилась дефицитная стеклянная колба в доильном оборудовании, а тут выходные дни. Бригадир приехал ко мне и слёзно просит. Ну ладно, нате вам. А к Палычу приехал этот бригадир и сказал, что достал за бутылку. (Такую деталь за

бутылку просто немислимо было достать.) А Виктор Павлович взял и ещё премировал бригадира за это. Потом, через много лет, когда я уже работал начальником управления снабжения, я ему об этом случае рассказал, как это было на самом деле.

Я, когда еще работал инженером, однажды приехал на Толмачёвскую базу, а вся база заставлена автомобилями, тракторами и прочим. Директор этой базы просит отвезти шифер в Болтово. Говорит: «Сколько тебе автомобилей надо? Пять, шесть? Бери доверенность и приезжай». А стоят ГАЗ-53 – самосвалы, ЗИЛы, в то время это вообще!.. Я приезжаю к своему директору, а он, в отличие от Палыча, был консервативен, и раздражало всегда то, что у Палыча всё новое, а у нас ничего нету, хотя возможности были для всех одинаковые, ворота открыты для всех. Приезжаю, говорю, что так и так, вот наряды, давайте забирать. А он: «Да ну, какая-то фигня. Подожди, осенью придут новые тарифы на железную дорогу, упадёт инфляция, всё будет нормально».

Вот заканчивается уборка. Ноябрь. Меня вызывает директор, говорит:

– Давай за техникой!

Я приезжаю, а техники – нет, всё голо, стоят одни ЗИЛы. Мне сказали один взять, а я разозлился – два взял!

Он потом меня спрашивает:

– Ты зачем два взял?

Я отвечаю:

– Один продадим. Палыч же так делает.

А Гилёв и правда знал, что и когда брать: есть возможность взять четыре – он четыре и возьмёт. Две продаст и две другие окупит. Была у него хватка такая.

Буквально месяц прошёл, и цена на эту машину подскочила в два раза. И сузунцы уже хотели у нас брать. Директор говорит: «Нет, оставим для себя».

Гилёв покупал импортную технику. Я заметил, что через два-три года, когда подходил ресурс, он менял её на новую. «Вот, Гилёв меняет технику – жирует!» Ведь разрядка доставалась потом и кровью.

До девяностого года была разрядка, были лимиты, после девяностого года – где за зерно, где за чеки, тут уже было посвободнее. Он человек энергичный, со знакомствами, он не сидел на месте, ему надо. Он доставал технику из воинских частей, с заводов – отовсюду. Он любил считать и всегда считал. Когда ресурс техники заканчивался, он, чем тратиться на запчасти, эту технику продавал и покупал новую. И в этом тоже был экономический эффект.

Когда пошли полноприводные КамАЗы, они появились у него у первого. В армии-то ещё, наверное, не было их. Он использовал технику очень рационально, уборка сена с их помощью проходила совершенно с другой скоростью. Кроме него, этого не делал никто. В этом и сказывалось новаторство.

Он всегда находил нестандартные решения. Он честолюбивый человек, он стремился невозможное сделать возможным, никогда не действовал стандартно. Пока мы думали в девяностом, как построить маршрут, чтобы перевозить студентов в Преображенку на работу и обратно, при этом нужно было до часу ночи ждать поезд на Новосибирск, он купил новый автобус и пустил его из Битков в Новосибирск. И этот маршрут потом стал постоянным для всех, автобус ходил по расписанию от Битков.

Тогда ещё были проблемы уехать на автобусе из Сузуна, а от Битков – пожалуйста.

У меня сложилось впечатление, что к перестроечным проблемам он оказался наиболее подготовленным. Его хозяйство в эти лихие годы развивалось, в отличие от остальных. Он в этот период чувствовал себя как рыба в воде. У него прирастала техника, к нему приходили и приезжали люди, даже с Алтая приехали – их было столько, что были проблемы с расселением, не хватало жилья для желающих. Часть из них потом, конечно, уехала. Он был жёсткий, но те, кто работал хорошо, остались.

Он любил во всём чистоту и порядок и это жёстко требовал от остальных. У нас тогда практиковались взаимопроверки между хозяйствами: они к нам, мы к ним ездили. Я там раз как-то был и разговорился с одной дояркой, я потом ему пересказал разговор. Он этот момент не упустил: какое-то замечание было во дворе. Он этот двор потом так терроризировал, что они довели всё до автоматизма, поэтому о существенном старались не говорить, чтобы не подставлять коллег под удар.

По-другому, я думаю, было нельзя. Руководители слабее характером в эти годы не выжили, и их предприятия тоже: поддались перевыборам руководителей, не нашли финансовых возможностей и решений, технологически не перестроились, не нашли нужные контакты. Кроме всего этого, нужно было найти ещё и сбыт. Ещё и сейчас руководители ищут сбыт.

Порой нам надо было где-то взять запчасти. Приезжаешь в город, а там: «О, Шарчино! А у вас там Битки, а там делают сыр, а вы не привезёте?» – «Хорошо, привезём». Приходилось ехать, через специалистов, через Виктора Павловича выписывать сыр,

который у него делался на маслозаводе, брать этот сыр и везти туда, раз пообещал. Тогда такой был способ – «доставать» наряд, запчасти или что другое. И вот этот его сыр котировался. Приезжаешь в организацию – в «Сибкакадемстрой», в «Агроснаб» или ещё куда-то: «А, Сузун, Битки! Всё давай!» Не сузунский сыр спрашивали, а подавай битковский. Этот завод достался ему кровью и потом, но качество сыра было и востребованность была. В перестроечное время завод сделал своё дело.

По финансам я уже не помню, во что ему обошелся этот маслосырзавод, но высокая себестоимость сыра была создана рыночной экономикой: топливо было очень дорогим, уголь, электроэнергия и другое, что нужно было для технологии. Молоко-то было, а вот эти ресурсы забирали больше, чем зарплата... Вместе с тем очень сложно предугадать, что завтра произойдёт на рынке, когда полностью зависишь от сбыта. Начались скачки цен: сегодня – сметана, завтра – масло и так далее, товар залёживался на складах, проще было продать молоко. Палыч посчитал, что через сыр вложение своего молока создаст и марку своей фирмы, и будет выгодно экономически. И он рискнул, и этот сыр был имиджевым, он был как пропуск во все кабинеты, тогда ведь была зачётная система, бартерные отношения тоже никто не отменял. В свой период этот сыр сыграл большую роль. А после, когда присмотрелись, и другие руководители стали это делать – Шайдурово и другие. Правда, потом тоже закрылись. Такие были созданы условия для сельхозпредприятий страны, что стало очень сложно работать. Руководителям пришлось заниматься сбытом. И сегодня это дело непростое для тех, кто ведёт переработку – эта логистика и всякие там

«Меркурии», и всё такое прочее; и вообще – душат, это вредительство, убиение своего. Только начали заниматься, можно было завалить своими пельменями, колбасой и прочим, тут – бац! – что-нибудь да по голове и прилетит.

Когда деление пошло ельцинское, то есть муниципалитеты отдельно, ЖКХ отдельно, – пожалуйста, Палыч тоже разделил, а до того деления он следил и за теплотрассой, чтобы было тепло. А когда стало ЖКХ, оно первое образовалось, мы смотрели на него: как они поделаются и как у них будут отношения? Отношения получились такие: как кошка с собакой. Он, как руководитель, прав: «Вам государство дало? Вот на эти деньги занимайтесь, меня освободили от этого, будьте добры!» Поэтому там и жалобы были, но он как-то справлялся. Ему, как первому, конечно, досталось: «Как это?! Совхоз всю жизнь меня откапывал, а сейчас...» Это долго было, и тут ему прилетало, конечно, досталось. Ну а потом эту систему внедрили повсеместно.

Ещё один случай расскажу перестроечный. С деньгами туго, у нас тоже хозяйство, но мы были на плаву, пока не сокращали штат, в фермеры мало кто ушел. У Гилева тоже фермеров не много, но ушло несколько семей в фермерские хозяйства. И зарплата была. А он зарплату всегда платил хорошо. Он даже импортные автомобили завозил, когда уже зерно разрешили продавать самостоятельно. Можно было по нарядам «Волги» взять, отечественные машины... Хозяйство было крепкое, в районе – на первом месте.

Потом Гилёва заставили Болтово присоединить, Верх-Сузун. Знаете, если бы это было в советское время, то это было бы продумано. А здесь: «Виктор Павлович, у тебя сильное хозяйство, ты силь-

ный хозяин, ну чё ты, давай бери!» Мы и сегодня видим: если это происходит не в границах каких-то десяти километров, базовая экономика обязательно рушится, потому что туда надо оттягивать значительные ресурсы, а психологически – люди говорят: «Мы не поедem пахать чужую землю, пусть они сами пашут. Мы давайте дадим туда технику». А там, как всегда, всё разрушено и дисциплины нет. Но чтобы их поддержать, дают им всё, отсюда отнимая. В таком случае рушится базовое хозяйство, потому что государственной поддержки не было. Если бы была государственная поддержка, то дали бы субсидии. А так всё это ложилось на плечи одного хозяйства, и, как обычно, хозяйство это подсаживалось.

Это первая половина двухтысячных, район юридически заставить Гилёва принять то или иное хозяйство не может, но зависимость от района всё равно есть, и потом, это же Россия, у Гилёва осталось чувство коммуниста, что надо помочь. Это чувство совести его и подвело. Ему говорили: «Пропадает хозяйство, растаскивают, люди уезжают! Смотри: земли будет больше, молоко будет, порядок наведёшь, ты специалист сильный, всё будет в порядке. Бери!» Ну сохранили поголовье, сохранили хозяйство, глава района отчитается. И так не раз было: «Палыч, давай-давай!» А кто везёт, на того и грузят. Вот эта перегрузка и сказалась. Так бы он остался в Битках и ходил бы в орденах, как Юрий Фёдорович Бугаков, а вот перегрузили. Ему просто надо было отсекаать: «Давайте, ребята, сами выруливайте, давайте я вам подскажу, как чего». Ведь у каждого руководителя есть чувство достоинства и ответственности. У него чуть ли не полрайона земли с огромным хозяйством, такое могущество.

Сегодня же никто не анализирует Палыча. Они говорят: «Палыч, вот того ты присоединил, а он развалился». То время – уже история, из говорящих никто не работал с нами и не знает, почему мы пошли именно этим путём, а не другим, и судят! Сталин плохой, Ленин плохой, Гилёв плохой. Хорошо рассуждать, сидя на печке, а попробуйте в его шкуре побыть. Иногда на принятие серьёзного решения (присоединить – не присоединить) давалась ночь, а утром приезжают, арестовывают, скот режут и продают, или вывезут зерно, или оставят без семян, или молоко не дадут подоить. А этим же всем люди живут! Что им ответишь? Да, и в районе скажут: «Палыч, ведь ты же мог это предотвратить!» И вот Палыча просто надорвали, как подлецы какие, навешали на него одного, наобещали, обманули, бросили, а теперь молчим. Об этом знаем только мы, кто с ним работал. Ему надо дать награды, хоть он сейчас и на пенсии. А не можем, потому что общественное мнение – другое.

А люди что, они не знают, что и как было на самом деле, как выжили крестьяне, как приходилось руководителям. Да, я знаю многих руководителей, которые никому и никогда не помогли. Палыч – помогал. Может, у них не было таких амбиций, никто не знает, никто не изучал. Да, они выжили и сейчас живут неплохо, ордена получают и всё такое. Они тогда поняли, что «раздуваться» не надо, закрылись в ракушку, и всё. Палыч так не смог, у Палыча Родина большая – вся Россия, и люди для него не делятся по границам хозяйства. А почему так? А потому, что он человек государственный. Ведь была надежда, что это безумие прекратится и жизнь вернётся в нормальное русло.

Как-то ко мне приехал завгар молодой из института, с нашей деревни, а зарплата была – мы получали пятьсот рублей, а у Палыча – две тысячи, две с половиной, главный специалист – три тысячи. Вот такая была разница. Молодой говорит: «На пятьсот рублей можно только апельсинов детям купить».

А рядом другой завгар – из Битков, Малютин Володя. «А вы знаете, – говорит, – нам наша зарплата большим трудом достается. Виктор Павлович нас и утром соберёт, и в обед, и вечером». Года через два молодой завгар встретился с битковским и говорит: «Знаешь что? За такую зарплату, как у вас, пусть бы Гилёв меня контролировал и утром, и в обед, и вечером!» Сказал-то он круче, но я смысл сохранил.

И ещё один момент: с приходом Палыча улицы украсились, это само собой, у него – порядок, культура. Я стал замечать, что у него механизаторы-шоферы стали ходить в костюмчиках. Приеду в Битки, посмотрю – они в костюмчиках. Вернусь, на своих посмотрю – блин, в фуфайках драных. Я тогда подумал: а может, это не Палыч, может, это люди особые такие живут в Битках? А сейчас там Палыча нет, я приезжаю туда – совсем другой фасон стал, костюмчики исчезли куда-то. От руководителя много зависит, но и от людей, конечно, если они уважают себя.

У Палыча была великолепная бильярдная с сауной – такая «приёмная». Я уже работал начальником управления, помню, просились к нему: «Палыч, давай у тебя! Там какая-то комиссия или проверка из Москвы приезжает, счётная палата, давай!» И он всегда шёл на это. Если надо было для района, для управления сельского хозяйства, мож-

но было к нему безбоязненно приехать и попросить, проблем не было.

Нам, руководителям, приходилось встречаться в неформальной обстановке. Так вот, Палыч при каком-то оскорблении, при неправде какой-то – мы его сдерживали, он мог в лоб залепить. Он горячий и искренний! Он не утаивался и не мстил. Он всё выкладывал тут же – в лоб! И тут же мог сказать, что ты неправ, ты негодяй, ты такой-сякой. И до сих пор это у него осталось. И в состоянии, как говорится, хмельном – он очень добрый, тут у него можно что-то выпрашивать, о чём-то просить. Он был на отмашку широкий.

Когда были попытки рейдерского захвата тех хозяйств, которые Виктор Павлович спас, – а это был уже не рейдерский, скорее политический, захват, в этой банде были не только местные власти, но и Гергерт там замешан, и Москва, и всё такое, – и как он сопротивлялся этому, стоял. Я ему старался намекнуть, в чём дело, куда это клонится. Давление на него оказывалось через руководителей района, об этом можно говорить, в живых этих руководителей нет. Москва сказала области, область сказала району, и началось давление. А раз он оказывает сопротивление, значит, его надо чем-то дожимать. Стали поднимать разную грязь, вплоть до уголовного дела, а у нас на любого руководителя это можно сделать. Я в тот момент видел, как он сопротивлялся власти. Это было с 2008 по 2011 годы. Творилось беззаконие со стороны властей.

И потом, когда под эту схему, а она та же, что и в советское время: сверху – вниз, попадали другие руководители хозяйств, я, как чиновник, не мог сказать им напрямую. Я им говорил: «Вы Виктора Павловича вспомните! Он целую пятилетку высто-

ял. И сделайте выводы, с каких вершин грязь на него лилась, на которой сегодняшнее общественное мнение замешано».

Понятно, что его имя там теперь ничего не решало. Он стал неуютен. Ему все возможности зарубили, всё надо было доказывать экономикой, и это спасало. Он держался. На это не каждый руководитель способен.

И ещё хочу сказать, что мы с ним друзьями никогда не были, в том числе и по возрасту. Он всегда, когда надо, говорил правду. Он как-то мне говорит:

– Ты меня зажимаешь, ты мне мстишь.

– Палыч, за что?

– А когда тебя ставили начальником управления, я был против.

– Палыч, вот ты только и рассказал мне, что ты был против. О том совещании ни один руководитель ничего мне не рассказал ни тогда, ни после. Более того, мне это было неинтересно, потому что я знал, что от вас там уже ничего не зависит. Приехал Иващенко, приехали другие, там уже всё согласовано, вас собрали просто формально. Я всему этому не придавал значения и мстить тебе я не собирался. Тем более если я тебе мстил, почему тебе мне помогал, когда у меня были сложности? Нет, между нами всё честно!

МОЯ СЕМЬЯ

**Гилёва Валентина Григорьевна,
супруга**

В 1968 году, после окончания Болотнинского педучилища, я по распределению приехала в Зоринскую школу Сузунского района работать старшей пионервожатой. Пионервожатой – потому что мне по душе больше организация досуга. Школа была маленькая, восьмилетняя, село красивое, в то время – большое. Местом наших сборов и знакомств был, конечно, Дом культуры. Там мы и познакомились с Виктором Павловичем. Он в 1968 году в июне как раз вернулся из армии, и сразу за работу: семья-то была большая, а я начала работать в конце августа. Я уже была наслышана, что есть такой парень – Гилёв. Нас, приехавших работать в эту школу, было четверо, четыре невесты. И я уже слышала, что он пытался знакомиться: с одной – на велосипеде её покатал, с другой – пригласил на свидание. Но мы его не видим, он как невидимка, потому что работал на силосном комбайне. Косили кукурузу эту допоздна: мы – в кино, а он приходил уже к концу фильма. Но в какой-то момент мы всё-таки встретились. Познакомились, предложил проводить – так началось наше знакомство.

Сразу было понятно, что парень своенравный, с характером, а я была простоватая и доверчивая. Но раз он пошёл провожать, значит, ему понравилась! Всё. Как-то стало понятно, что концы к отсту-

плению обрублены. Всё: никаких девчонок, никаких парней, мы двое – пара. Так начались наши отношения. А где встречаться? Что было? Клуб. Пока тёплая погода – берег реки, затоны, гуляли там, разговаривали, у столбов – обжимались, а потом и целоваться стали. Так мы дружили два года.

Я уезжала на каникулы, он уезжал на сессию; с сессии он обязательно заезжал ко мне, потом уже звонил, письма писал; я в период отпуска к нему ездила, потом нам это всё надоело – решили пожениться. Всё у нас было как надо: и знакомство с родителями, и сватовство, и свадьба, а зарегистрировались только через два года. Я переехала к нему в дом, а там семья большая, вся горница была заставлена кроватями. Помимо нас, там жила ещё дочь с маленьким ребёнком (муж был в армии), трое братьев (ещё учились) и мать. У нас была односпальная кровать, которую мы перенесли с прежней квартиры, где я квартировала. Кому не хватало места, спал на печке. Вот так мы начинали жить. Чтобы побыть вместе вдвоём, поговорить, поприжиматься друг к другу, в тёплое время года мы уходили на реку, брали лодку, переплывали за Обь, проводили там ночь, рыбачили, варили уху. Конечно, он не большой романтик, но дарил мне незабудки, лилии вылавливал, черёмуху весной приносил. Даже звал меня Черёмухой, Незабудкой... так вот!

Так мы жили два года. А тут и Наташа у нас родилась. Пока я ходила беременной, свекровь меня оберегала: «Да не хватайся ты за эти чугуны и уборку! Вон сколько народу!» Парни эти чугуны поднимали в печь и вытаскивали из неё. Посуды накапливалось, и уборка... Она меня от этого ограждала: «Делай своё!» А у самой работы: она и

в магазине работала день и ночь, и по дому, и по хозяйству, а мужа уже не было.

А Виктор работал шофёром на «бобике», потом начал работать инженером по технике безопасности. Он уехал на сессию, я была беременна, а перед этим мы ходили в наш Каргаполовский сельсовет и зарегистрировались, потому что – ребёнок родиться должен, его надо записать как-то. Там молодец председатель колхоза с женой – Дудинов Павел Логинович и Валентина Петровна после регистрации пригласили нас к себе. Они быстро всё организовали – и стол, нам не надо было ничего покупать, ни спиртного, ничего. Так мы отпраздновали наше бракосочетание. И привезли ещё нас домой на машине. Стали мы думать, как жить отдельно от родственников, своей семьей.

Виктор характером напористый, всегда был лидером в работе. Это, конечно, люди видели. Когда он летом уехал на сессию, нам предложили квартиру в Каргаполово, это в трёх километрах от Зорино, на центральной усадьбе. Конечно, мы рады! Квартира там достраивалась в новом двухквартирном доме. Сразу, как заходишь, – кухня, она же и коридор, и три большие комнаты. Это была наша первая квартира, наша радость. Наташа родилась в июне, а в начале октября мы переехали в эту квартиру. Перевозить было абсолютно нечего. На свадьбу нам подарили кухонный стол, стиральную машину, привезли ту самую односпальную кровать, Наташину коляску и полкузова дров. Вот так и начали мы самостоятельную жизнь.

Конечно, притирались наши характеры, не без этого. Я стала подлаживаться под него. Раз была любовь, были чувства, то учились уступать друг другу. У нас ведь были ещё обязательства перед

родителями: у меня родители, у него мама с кучей детей – семерых родила от одного.

Это сейчас поссорились, хлопнули дверями – и разошлись. Тогда этого не было. Я всегда боялась, если мы поссорились: нет, я маме говорить не буду, она больная, ей плохо будет, а там ещё в деревне скажет кто-то.

У меня не так давно внучка в гостях была, спрашивает:

– Баба, ну как вы столько лет прожили?

А она-то ещё только летом свадьбу сыграла и уже спрашивает: «Как вы столько лет прожили?»

Я говорю:

– Ну как? Терпение! Терпение, и присматривайтесь друг к другу, разговаривайте.

Характер у него, конечно, настырный, настойчивый: сказал – уже не повернёшь ни вправо, ни влево, никуда. И детей также воспитывал – в строгости, в спартанских условиях. Бывало, приедет: всё, быстро! Двадцать минут, и всё – сели, поехали куда-то. Отдыхали только с друзьями, на берегу Оби у нас.

А по молодости мы разлучаться или расставаться прямо боялись. Тревожно было, что уведут. Нам ночи было мало, нам надо было общаться и жить друг с другом чаще. Даже Наташа стала подрастать маленько, он был уже бригадиром комплексной бригады: вот он едет на кошёвке, мы одевали её и ехали за двенадцать-пятнадцать километров на его поля посмотреть, как там. Такое часто было. Потом мотоцикл дали ему, так он с Наташей – по полям.

Когда Оля родилась, в конце сентября, поехали за три километра в Зорино к бабушке в баню. У нас здесь бани ещё не было. Эту малышку завер-

нули-запеленали и засунули её в перед люльки, а Наташа – в люльке на сиденье, я – за его спиной. Приехали, свекровка спрашивает:

– Где у вас ребёнок-то маленький?

Мы её оттуда достаём. Свекровка, не стесняясь в выражениях:

– Да вы что! Да вы же угробите ребёнка!

Вытащили: да нет, всё нормально. Молодые были...

Когда Оля родилась, мы купили «Москвича». На него мы копили, всё складывали, складывали. И при этом, когда он ездил в город, если брал три рубля или сколько, он обязательно привозил какие-то сладости, Наташе обязательно – какую-то игрушку, какое-то платишко.

Мы всё стремились обустроить свой быт – например, ковры. Занимали очередь, стояли. Он пойдёт на работу рано-рано, займёт очередь, передаст мне: «Вот такая-то очередь». Всё же по очереди можно было что-то купить, хотя такие крупные вещи, как ковры, мотоциклы, шли по разнарядке. Хорошо, что мать работала в магазине. Потихоньку обустраивались. Вот купили «Москвича».

Мне было двадцать пять лет, мы в то время приняли решение перевезти с лесоучастка Шипуновский моих родителей в Каргаполово: мама была больная, парализованная, они купили на свои средства домик. У нас уже обустроен быт, построили баню себе, на следующий год помогли построить баньку родителям, появились друзья. И вот поступает предложение на должность в «Сельхозтехнику». Мы решили отказаться. Но – «куда партия пойдёт». С этого времени у нас началась кочевая жизнь по Сузунскому району. Но я никогда не боялась, что мы куда-то переедем, что у нас чего-то

не будет: не будет у меня работы, у детей – садика или школы, не будет крыши над головой. Вот эта надёжность всегда присутствовала: прежде, чем куда-то переехать, он все бытовые вопросы решал, предварительно оговаривал с руководством, чтобы семья знала, куда приедет, где жить и на что жить. Ведь тогда выплачивали какие-то «подъёмные». И родители сказали: «Мы не останемся здесь».

В Сузуне мы получили такую же трёхкомнатную квартиру, взяли с собой родителей. Как-то справлялись, притирались. Сейчас у него характер немножко другой: он стал жёстче, обидчивее, а тогда это было терпимо, никто никого не обижал, умели договариваться. Меня всегда подкупала эта надёжность. Были ссоры, были разговоры, были какие-то неурядицы. А когда с нами жили родители, мы, конечно, поумерили свой пыл, думали, как бы их не обидеть.

Он всегда был хозяином семьи. Когда мы в Сузун переехали, я пошла в садик работать, Наташа – в подготовительную группу, а Оля – в младшую группу в одном садике. Год мы там прожили, опять обустраивались (так потом было на каждой усадьбе), потому что квартиру получили безо всяких надворных построек. В Сузуне тоже получили строящуюся квартиру, её надо было обживать-обустраивать, и надворные постройки – мама с папой ещё возили с собой свою корову, мы её и в Сузун перевезли. Нужно было строить двор, баню и остальное. И было как-то не страшно, потому что за всё это он отвечал. Всё это строилось-делалось.

Год пожили в Сузуне, и ему стало скучно в «Сельхозтехнике», потому что это – магазин, это – запчасти, всё – по разнарядке, это – два вы-

ходных, все друзья – на берегу. Приедем к бабе Саре, его матери, а там все в работе – страда, или сенокос, или начало уборки, а мы одни не у дел. На берег приедем – одни, друзья-то на работе. Как-то даже стыдно было. «Да ладно, сейчас лодка уйдёт с покосниками, тогда мы – на берег». Стыдно ему было не работать, ведь всё время – без выходных, без отпусков. Потом ему предлагают Холодное за тридцать километров от Сузуна. «Скотопром» был, совхоз – развалено всё. И ему предлагают это хозяйство. Мы опять же поехали смотреть вместе. Дождь прошёл. Поехали. Поворачиваем на Холодное, а там узкоколейка насыпная – ровная вся, блестит на солнышке после дождя, красота! Мы в неё как врюхались, машину начало крутить, и чуть не в кювет! Оказывается, это глиняная дорога. Мы всё же добрались до этого Холодного, посмотрели. Всё развалено там, гаражи развалены, люди ходят в сапожищах. Поездили по Холодному, посмотрели... Нет, не поедem! Решили мы не ехать. А приехал он в райком партии, всё: сказано – сделано! Так он принял решение.

Приехал, папе сказали, что едем в Холодное, а он холодненский, мой папа. Он говорит: «Ой, поеду на родину помирать!» Поехал. Там начали снова строить новый дом. Дом строился для себя. С весны и до осени, на колхозные ресурсы, в расчёте, что здесь будем долго жить, папа с мамой там будут жить, поэтому дом большой: по комнате – девочкам, папе с мамой, наша спальня, зал, кухня. Мы заселились в него в октябре. Отопление, конечно, печное, топить самим надо было. И снова всё по новой. Нам некогда было ссориться. Мы сюда всё перевезли, он меня с этими тряпками-манатками оставил, а сам снова на работе.

Я пошла работать в школу, у меня первый класс, Наташа пошла ко мне учиться, Оля пошла в садик. Родители пожилы один год, на второй год они умерли друг за другом. Вообще, этот год в Холодном был для меня очень трудным: мама была парализована, за ней ухаживал папа, но у папы нашли онкологию. Всё это легло на мои плечи. Это все надо было пережить.

В Холодном наши отношения начали маленько ломаться. Слухи были, но я не ловила его никогда и нигде, ни с кем, ни разу. Не следила, не выгоняла, он ни разу чемодан не собирал, он ни разу нигде не ночевал, кроме дома. Отлучался только в командировку. Однажды в магазине женщины стоят, разговаривают. Только я вхожу, всё – умолкли, молчок! Потом одна бойкая и говорит:

– А вы думаете, на вашего мужа женщины тут не смотрят? Он вон какой! Подтянутый, кудрявый, красивый!

Я говорю:

– Нет, я не думаю, я знаю. И пока женщины будут на него оглядываться, я буду с ним жить, а не будут оглядываться, я подумаю, нужен ли он мне.

Всё! Больше со мной на эту тему никто не пытался говорить. А тут ещё это горе: папа с мамой... А мы ещё заочно учились оба. Он сельхозтехникум свой окончил, и поступили мы в институт, и решили учиться вместе. После похорон папы нам надо было ехать на сессию, у мамы очередной инсульт, она лежит, мы решили положить её в больницу. Вот это горе за горем нас ещё больше сблизило, потому что надо разговаривать, надо общаться. Не было у нас такого кризиса, чтобы расходиться, делить вещи, было не до этого. Смерть папы, через три месяца – мамы. Похороны, поминки – девять

дней, сорок дней, потом – полгода и одного, и другого. Мы к тому времени прожили вместе уже девять лет.

Потом наступил период благополучия, мы подерживали друг друга. А ещё были периоды, когда приезжали проверяющие или комиссия, их надо накормить, напоить и самому выпить, или домой всё это привести. Это надо сидеть дома, это целая работа, а у меня в школе – класс, потом – второй класс. Эти два года были очень сложными.

Потом открыли новый детский сад, я пошла заведующей в него. Там всё новое: ковры, полы с подогревом. В общем, построен по тогдашним новым технологиям. Успешно работали, совхоз развивался. И дороги построили, и целую улицу он построил, в работе он был и день и ночь – работа, работа и работа!.. Водопровод сделал – фермы и поля, их же надо обрабатывать по новым технологиям, посевная и уборочная, стройки. Облагородили все улицы, грейдеров тогда не было, так цепляли блоки и таскали их, всё выравнивая. В деревне жизнь прямо закипела. Мы первые покрасили ограду, потом от крашенных штакетников вся улица была белая, даже столбы красили от уровня пасынков. Возникла настоящая красота. Появились новые знакомые, нам всегда везло на хороших людей: Краусы, Скорюкины были настоящими друзьями. У него работа вроде наладилась, всё хорошо. И тут ему снова предлагают вернуться в Сузун, строить «Сельхозтехнику».

Я ему никогда не мешала работать, у меня не было по этому поводу претензий или запросов, потому что он понимал всё, что нам нужно для жизни, мы не жили роскошно, но достаток был. Я всегда чувствовала уверенность от его надёжности, хоть и

побаивалась за него, скажу честно, страшно было остаться одной: а вдруг что-то случится. А с характером приходилось, конечно, мириться и подстраиваться. И для него не всегда всё было гладко, и ему приходилось чем-то жертвовать, принаравливаясь к моему характеру. И всегда после ссоры он мирился первый, потому что я «молчун», а он долго терпеть не может. Он вспылит, перекипел, и всё. Походил маленько – всё, и тут же он и ласковый, и хороший. Вот я и внучке сказала, что терпение, только терпение, надо притираться, и всё.

Счастлива ли я? Это как понимать. Сейчас моё счастье – в детях, во внуках. Абсолютного счастья, наверное, нет. Вот в работе, в профессии я себя не проявила, потому что в сорок девять лет я ушла совсем с работы. Я себя посвятила дому, семье, мужу, детям, а в работе осталась неудовлетворённость. Я начала развиваться в Битковской школе. Там были созданы группы продлённого дня, и я была воспитателем. Это мне больше нравилось, чем преподавание, а в детском саду место было занято, там была достойная заведующая; я пошла в школу, и я там проработала неплохо. Я выбрала тематическое направление «Народные игры», «Народное творчество» (пословицы, поговорки, песенки-прибаутки и народные игры). По этому направлению я получила аттестацию «Воспитатель-методист». У меня уже был накоплен материал, я делала доклады на августовских учительских совещаниях, и мы проводили зимние праздники и гуляния. Мне это очень нравилось, но я стала «профессиональной женой».

А тут Наташа вышла замуж, замужество было неудачным. Мы ей не препятствовали: парень был городской, красивый, молодой... Видите, она вос-

питывалась в строгости, а тут выпорхнула на свободу – всё, запретов нет! Папа следил за ними обеими. В десять часов идёт к дискотеке:

– Позовите Гилёвых девочек.

А там выходят на сцену:

– Внимание! Гилёвы девочки, идите на выход, за вами папа пришел!

Девчонки потом неделю никуда не показываются, от стыда сторают. Вот так всё было строго. Наверное, неправильна была такая опека, детям нужно доверять.

Наташа вышла замуж, тут же родила Настёну; окончила торговый институт, заведовала магазином, где-то на Снегирях был такой магазин продуктовых товаров «Шайба». А эти разводы... Парень красивый, родители достойные, отец работал сварщиком в метро, всё было, а парень не хотел работать. Вот он лежал на диване, искал всё работу. Искал и искал! Я приеду к ним, он меня привезёт, посадит с сумками – всё, начиная от соли, заканчивая картошкой с мясом, всё затарим, всё загрузим. А он с телефоном, всё какие-то прожекты: «Наварим-наварим», придут друзья, пиво, всё. Насте уже два года, Наташе пора на работу. Звонят: «Выходишь, не выходишь? Иначе место потеряешь». Тут как раз торговля стала разваливаться. А он и сидеть с ребёнком не соглашался, и работать не соглашался. А я сейчас думаю, что папа у девочек жёсткий был, может, любви недодал, но я компенсировала, я над ними тряслась, как курица. А они искали такого же «папу» – надёжного, чтобы за ним быть, как за каменной стеной.

Сейчас у неё парень хороший, всегда что-то делает, никогда не бывает без работы, он механик по автомобилям.

Гилёва Наталья Викторовна

В деревне мой папа был первым человеком: либо директором, либо бригадиром, либо председателем, и мы, дети, всегда были на виду. Поэтому нам, соответственно, всегда говорилось, чтобы мы не опозорили отца, нигде ничего лишнего не сказали, не совершили какой-нибудь проступок. И мы росли дисциплинированными, потому что знали: папа с нас спросит! Наши друзья и окружающие думали: поскольку наш папа был строгим в отношениях с работниками, то и нам с ним очень тяжело живётся. Но, на самом деле, дома всё было по-другому. Он был добр, больше того, он был очень гостеприимным, любил принимать гостей. Всегда разрешал и нам приглашать своих друзей. Например, мои подружки приходили в гости ко мне, и очень редко я ходила в гости к подружкам. И заслуга родителей в том, что кто бы к нам ни пришёл, он всегда будет накормлен и напоен чаем. Мы усвоили это правило от родителей не как обязанность, а просто как норму гостеприимства, нам самим хочется что-то сделать для людей приятное: накормить, напоить чаем или кофе.

Мой папа, несмотря на свою строгость, – добрый. По сей день мы чувствуем его опеку, он всё ещё несёт за нас ответственность, хотя мы всё уже решаем сами, самостоятельно. Но он всё равно за нами следит, не отпускает, держит под контролем. Это касается всех – и нас с сестрой, и внуков.

Его отношение к внукам гораздо мягче и теплее, чем к нам, дочерям. Его чувства к ним более открыты, с нами он был более сдержан. И вообще, мы с сестрой в детстве его видели только в зимнее время, и то – по вечерам. А уже с ранней весны и до

поздней осени он уходил на работу в шесть часов, потому что в семь у него уже начиналась планёрка. Утром мы с сестрой его не видели. Приходил он в одиннадцать-двенадцать вечера – мы его видели не всегда, и по выходным тоже.

Всё было на наших глазах: и его занятость, и порядок в его делах, в том числе и по дому, и ответственное отношение к своей работе. Это как-то воспиталось и в нас: любое дело должно быть доведено до конца. И вообще, все эти организационные моменты в моей жизни усвоились благодаря отцу.

Я считаю, что ему повезло с нашей мамой. Она очень мягкая, добрая. Все острые моменты и напряжения на работе у папы всё равно заносились домой. Видя его молчание или нервозность, мама дома сглаживала все углы, была особенно заботливой.

Я очень дорожу всем, что папа сделал в жизни для меня. Это выражалось не в наставлениях, а в поступках. Например, я занималась лыжным спортом, и папа старался на всех соревнованиях присутствовать. А я выросла, и уже стеснялась его чрезмерной опеки, ну, не маленькая я уже. А он всё равно приходил. И я как-то ему сказала: «Папа, ну чего ты? Ведь у Лены, у Ларисы не ходят родители. Что ты всё ходишь и ходишь? Я уже большая, мне тринадцать лет, а ты всё ходишь и кричишь ещё: «Наташа, Наташа!» Не надо уже этого! Не приходи». Набралась смелости и сказала. Он ответил: «Ну всё, не пойду!» И вот в воскресенье соревнования, я, как всегда, ушла рано утром. Начались старты, народу море, а я по привычке смотрю, выглядываю красную шапочку – а нету её среди зрителей! Вот, думаю, молодец! Не пришёл.

И вот бегу я по трассе, а трасса – в бору, горки и спуски большие, и слышу, кто-то где-то там из леса:

«Наташа, давай!» Самого не видно, только голос. И в этот момент родилось: «Да пусть он ходит!» Я потом говорю: «Папа, ходи!» Я поняла, что это нужно и ему, и мне, потому что на старте я его искала глазами, но его не было нигде. Я поняла, что его мне не хватает.

После окончания десятилетки встал вопрос: куда поступать?

Я хотела поступать в торговый институт, хотела работать в торговле. А папе хотелось, чтобы я пошла в науку, потому что хорошо училась в школе. Он говорил:

– Ну, какой тебе торговый? Ты из деревни, где потом будешь работать? В сельском магазине продавцом? Вот, давай в сельхозинститут. Потом захочешь – будешь преподавать в институте, захочешь – приедешь в село работать.

– Это совсем не моё, а из имеющихся в сельхозинституте специальностей мне ничего не подходит, в общем, не хочу!

– Ну как хочешь. Зато в сельхозинституте я бы тебе как-то там помог, отслеживал твои трудности, с общежитием бы решил.

Полгода он проводил со мной агитационную работу. В итоге я опять же набралась смелости и сказала:

– Нет! Я хочу учиться в торговом институте.

Он привёз меня в город, чтобы сдавать документы, пришли в приёмную комиссию. Там посмотрели мой аттестат, а у меня там было две четвёрки. Нам это всё назад возвращают и говорят:

– Ну куда вы со своим деревенским аттестатом собрались в наш институт? Вы не поступите, у нас слишком большой конкурс – пятьдесят два человека на место, тем более выбрали самый

блатной факультет (это «Товароведение непродовольственных товаров». – *Прим. Н. Г.*). Вот только если, может быть, на технологическое отделение, и то, может быть, с натяжкой. Вам надо всё сдать только на отлично. Ехали бы вы лучше в сельхозинститут.

Папа быстренько схватил документы со стола:

– Я говорил тебе!.. Всё, поехали! Нечего нам тут делать!

А я дочь своего отца и тоже с характером:

– Нет, папа! – забрала у него документы из рук и вернула комиссии. – Принимайте! Не поступлю, значит, пойду в техникум.

Папа психанул – вышел из кабинета и ждал меня уже в коридоре. Начались экзамены, я сдала их на отлично, но гарантий никаких не было даже для отличников, много было «блатных». Если не примут, то в этом году уже в другой вуз не поступишь, потому что набор происходил в одно время во всех институтах страны.

Папа спрашивает:

– Когда будут оценки?

Я отвечаю:

– Только через три дня, потому что народу много, поток огромный.

Он говорит:

– Я приеду за тобой в четверг. – И уехал на работу.

Он приехал, как и обещал, едем с ним в институт. Как сейчас помню, в двенадцать часов вынесли списки поступивших, повесили на стенде, а меня в списках нет.

– Я же тебе говорил, – с укором сказал отец, – ты двойку получила!

Я говорю:

– Да не может быть! Ну, в крайнем случае, четыре.

Тут идёт девочка из деканата и ещё один список несёт. Мы смотрим и видим мою фамилию. Он первый увидел – «пять»! Вокруг полно народу, человек сто, а он берёт меня и начинает кружить со мной по этому фойе. Этот момент мои сокурсники до сих пор вспоминают: «Какой у тебя папа! Как он кружил тебя в фойе...» Он понимал, что с этой пятёркой есть шанс пройти, что это моя победа.

И еще вот такой сюжет из нашей детской жизни: папа встречал нас с дискотеки. Мы думали: «Ну боже мой, ну почему нам так не повезло с папой!» Нас хотели проводить мальчишки, а тут папа пришёл... Но когда мы выходили замуж, он был абсолютно спокоен. Мы выбирали своих мужей сами, и он, к сожалению, принимал наш выбор, а лучше бы отправил нас на дискотеку в сельхозинститут, там бы мы нашли настоящих мужчин. Более того, у меня сегодня второй брак. Когда мы собрались разводиться с первым мужем, я боялась папе прямым текстом сказать о разводе, я стала намеками говорить, что, скорее всего, мы с моим мужем не будем жить вместе. Я была готова к ответу: «Вышла за него – живи!» Но когда папа услышал меня, я получила от него поддержку сразу. Он сказал: «Я не против, я поддерживаю твоё решение». Такая позиция была для меня шоком и удивлением, я готовилась к этому месяца два, боялась даже произнести вслух и прямым текстом, а он, видимо, почувствовал это и понял.

Несмотря на то, что папа внешне закрыт и строг, у него тонкая душа. Даже мои подружки по детству – их папы работали же с ним, и они дома многое слышали, – в первые моменты были также

удивлены его душевной тактичности, но только самые приближённые подруги знали, что папа – другой. Он всегда и всем интересовался. Если он был дома, когда приходили подружки, он всегда спрашивал, как дела, как успехи. Это всегда было приятно, что взрослому человеку интересны наши детские заботы.

Внуков папа обожает. Всех. Гордится ими, любит их. К ним у него особое отношение: он всюду их пускает, разрешает, прощает... В каждом внуке он видит какую-то уникальность. Например, о первой внучке, о её первых успехах, шажочках, как учится в школе, что там она делает – во всём он видел её достоинства, всем это рассказывал, но не нам, а друзьям своим. Так же – о Саше, Олином сыне, который в четыре года начал заниматься хоккеем. Поэтому у нас все внуки любят ездить к папе в Сузун. Например, сейчас Настя прилетает из Москвы на пять дней и четыре дня она будет жить у бабушки в Сузуне.

Ещё хочется отметить, что по отношению к нам и внукам и папа, и мама проявляют уважение. Даже когда папа покупал себе «Волгу», а я была в третьем классе, он пришёл у меня спрашивать совет, какой купить цвет. Представляете? Для меня это было... Я спрашиваю, почему у него вообще возник такой вопрос. Не может быть вопрос о цвете. «Волга» должна быть только чёрной, с хромированными ручками, потому что не чёрная «Волга» – это уже не «Волга». Он сам ездил, где-то там её получал, эту поездку держали от нас в секрете, просто папа «уехал в командировку в город». Папа приехал поздно ночью. Утром мама пришла нас будить в школу и говорит:

– Папа приехал ночью и купил что-то такое!.. Вот угадайте, что он купил?

Оля обрадовалась:

– Фломастер!

Никто из нас даже не подозревал. Это было ещё в Холодном. На выходные мы поехали на этой «Волге» в Зорино к его маме, нашей бабушке, показать машину. Мы раз в три недели ездили за восемьдесят километров проведать его маму, мы любили ездить к бабушке на пироги. Ночевали и на следующий день уезжали.

И вот мы приехали показать бабушке нашу машину, она вышла нас встречать, и он ей говорит:

– Мама, садись, я прокачу тебя с ветерком!

Она села, мы проехали круг по деревне, возвращаемся, подъезжаем к калитке, а около калитки стоят калоши и никого нет. Папа удивился:

– О! А чьи это калоши?

А бабушка, несколько не смутившись, отвечает:

– Так чьи ж? Это мои!

Родители учились в сельхозинституте заочно, приезжали только на сессию. Жили на квартире у знакомых на Обской улице. На летнюю сессию брали нас с собой. Вот тебе город, вот тебе речка – просто класс! Мне тогда уже исполнилось шесть лет, Оле – три. У нас была обязательная экскурсия по всему Новосибирску: Луна-парк, зоопарк, цирк и экскурсия по городу – это были самые счастливые дни. И еще – по магазинам: «Буратино», «Орлёнок», «Школьник» и так далее, в общем, шопинг. Это летом. А зимой сессия у родителей была в разное время. Поэтому оставались с нами по очереди, но поскольку с нами жили мамы родители, проблем не возникало. Но один раз мама была на сессии, а папа привёз перед Новым годом апельсины, и Оля наелась этих апельсинов и вся покрылась круп-

ными пятнами – диатез. Маме ничего говорить было нельзя, чтобы она спокойно всё сдавала, папа справлялся с этой ситуацией сам.

Вспоминается, как папа брал меня с собой на мотоцикле, и мы ездили по полям. Он сначала решает производственные вопросы, потом поужимаем на полевом стане с бригадой и возвращаемся домой. Однажды возвращались, и он говорит:

– Сейчас воду в озере посмотрим.

А вода тёплая, как парное молоко. И вот мы с ним давай купаться. Накупались, а он и говорит:

– Только смотри, маме ни гугу!

Ну, приехали домой, а я с порога:

– Мама, мы купались, а папа просил тебе передать «ни гугу»!

Помню момент, как Оля родилась, мне уже три года было. Мама в роддоме с Олей. Мы поехали с папой их проведать. Приехали, смотрим в окошко. Нам показывают маленькую Олю. Мама говорит:

– У тебя сестрёнка родилась!

– Как – сестрёнка? – обиделась я. – Ты ж за братиком ехала! Эдик же должен быть!

Потом нашу Олю мы ещё целый год Эдиком звали.

Гилева Ольга Викторовна

Для меня папа – это герой моего детства.

Его сила, забота в детстве давали ощущение безмятежности и уверенности.

В детстве я ощущала себя принцессой, живущей в королевстве, хотя, хочу заметить, мы жили в основном в деревне, и не в одной. Мы постоянно переезжали. Я поменяла четыре школы. Но ощущение

ние, что мир крутится вокруг меня, было неоспоримым. Я и наша семья – это центр этой вселенной. Все желания исполнялись. Мне казалось, я получила всё что хотела.

Несмотря на его иногда угрюмый и суровый нрав, то чувство уверенности в завтрашнем дне давало мне невероятную силу. Всё, за что я бралась, у меня получалось на отлично: играть на пианино, бегать в эстафете, кататься на лыжах, стрелять из пистолета, водить машину, играть в баскетбол, участвовать в КВН, я была даже самым лучшим пионером – председателем пионерской дружины.

У родителей было много друзей, и любая поездка в гости для меня была маленьким приключением. Повторюсь, мы жили в основном в деревне, и дороги были не очень. Мы застревали в сугробах, грязи, переезжали реки. И всегда я знала, что будет всё хорошо, мы обязательно выберемся, мы обязательно победим!

Я с теплом, добротой и любовью вспоминаю своё детство: наши ночевки в палатках на косе, рыбалка, уха на костре, бассейн из сырной ванны, пасека (там был самый вкусный мёд) и самые вкусные яблоки.

Папа научил меня отлично плавать, причём по Оби, где очень большое течение. Расскажу, как это было. «Поплыли», – говорит. И плывёт впереди, а я барахтаюсь сзади, течение, дна нет, мама на берегу волнуется, она вообще не умеет плавать, а он уверенно плывет вперёд и даже не оглядывается, как будто он уверен во мне. И я поплыла, я переплыла, и я смогла!!!

А как папа учил водить машину, ещё одна история. Мне лет четырнадцать, он тогда работал директором совхоза «Битки», мы на поле, осень, кошны сена, кое-какие сжигали, готовили к пахо-

те поля. И я только-только разобралась, где какие педали. А он мне говорит: «Съезди до той копны, зажги ее, и поедem домой». Я довольная – мне решили одной в машине проехать!

Я доехала метров пятьсот, зажгла копну, копна загорелась, а я не могу машину завести, а солома горит очень быстро и хорошо, и машина рядом. Я то выбегу покричу папе, а он далеко и не слышит как будто, спокоен. Я раз пять то в машину, то на улицу – кричать, звать помощь, копна горит всё сильнее!!! Машина рядом!!! А папа там, вдалеке – спокоен, как будто ничего не происходит. Я всё-таки завела машину и отъехала от огня. Только вечером я узнала, что он тоже очень разволновался, всё видел, но не поддался панике, чтобы я могла спокойно принять решение. Да, с началом вождения у меня получалось сложно: я и в забор въезжала, и на гору щелбня, и милиция меня ловила без прав... Сейчас очень люблю машину водить, отдыхаю, люблю ездить за город, например к ним, к родителям.

А когда мне купили пианино, я отучилась всего месяц и услышала по телевизору «Лунную сонату», я всем сказала, что уже умею ее играть! Мне сказали: «Покажи». А я начала по клавишам бегать пальцами и, конечно же, не знала, но сказала, что маленько подзабыла, и только папа не подал виду, что не поверил. Сказал: «Ничего, вспомнишь обязательно».

И это безмятежное детство закончилось, когда мне нужно было поступать в институт и уезжать в город Новосибирск за двести километров.

Папа герой сейчас и для моих сыновей. Он также многому их научил. И даёт им огромную опору! Они радуют его своими маленькими успехами.

Для моего мужа он как наставник во многих вопросах.

Иванищенко Анастасия, внучка

Наверное, мне, как старшей внучке, да и брату тоже, повезло больше всего. Нам дедушкиного времени «досталось» больше. Нас родители отправляли в деревню на всё лето (а бывало, и зимой) в гости к бабушке с дедушкой. Это ведь самое лучшее детство, которое может быть, потому что с дедушкой всегда было интересно. Это при том, что он всегда был очень строгий и к родителям, и немножко к нам. Строгий не потому что вредный, а потому что заботливый. Среди лучших воспоминаний – поездки с ним по полям. Он тогда работал в совхозе и катал меня на комбайне, не помню, катал ли брата. Помню, как мы ели с рабочими на полевом стане. Моё детство прошло в глубокой любви к сельской местности, хозяйству, к бескрайним золотым полям пшеницы. Дедушка – это человек, который всегда был близок к народу, всегда был с людьми и был очень отзывчивый, но... строгий.

Хочется сказать о роли бабушки. О бабуле тоже можно отдельную книгу написать: она пример семейной мудрости и невероятного терпения. Я думаю, что если бы не бабуля, дедушка, возможно, не добился бы таких результатов в работе. Она здесь сыграла очень большую роль.

Мы, внуки, стали уже взрослыми (мне двадцать семь лет), и когда вспоминаем сейчас ту жизнь на селе, в которой мы росли, всё видели, каким было хозяйство, то начинает болеть душа. Сейчас там совсем другая ситуация, далеко не лучшая. И когда я говорю о дедушке: как он работал, кем был, что сделал, я испытываю чувство гордости за него. Он никогда не работал «за деньги», его вну-

тренняя мотивация – это желание сделать этот мир и страну лучше, а людей счастливее.

Не помню, чтобы он ругался, тем более кричал на нас. Всё было спокойно, но настолько серьёзно и строго, что думалось: лучше бы ты кричал!

Он очень коммуникабельный: улыбался, постоянно – с какими-то людьми, знакомыми, с обширными связями... На днях рождения и юбилеях – большое количество друзей, и всем видно, что это человек большой души. Его всегда переполняет любовь к тому, что он делает. И за это я безумно благодарна ему и всему нашему роду – за то, что у меня тоже есть такой внутренний двигатель и любовь к тому, что я делаю. Я стремлюсь поймать это ощущение, потому что дедушкой двигала любовь к делу, которым он занимается.

Дедушка действительно для нас пример, и каждому из нас всегда хочется получить его одобрение, его поддержку или похвалу. Мы любим его, мы им гордимся!

Гилёв Александр, внук

Дедушка для меня – это учитель. Он научил меня многому.

Как-то он приехал к нам из деревни, я достал нарды и попросил его научить меня играть. Дедушка меня учил, подсказывал, что надо делать, и я проиграл ему свою первую партию, очень сильно расстроился, а дедушка смеялся.

Дедушка учил меня рыбачить, поэтому слово «рыбалка» связано с ним. Помню, как мы встали в

шесть утра, накопили червей и поехали рыбачить. С ним было очень интересно. Он научил меня водить машину. Это дело нервное, но он вселял в меня уверенность, вовремя подсказывая и показывая, что и как надо делать. Дедушка также научил меня играть в бильярд. Запомнились наши с ним походы в баню. Там мы с ним говорили обо всём, о чём только можно, – он отвечал на мои вопросы. Со своей стороны, он интересовался моей учёбой, которую он ставил на первое место. На втором месте был спорт.

Сейчас мне уже двадцать лет, шестнадцать лет я связан со спортом, я хоккеист, я себя не мыслю без хоккея. Также я студент третьего курса педуниверситета. Дедушка всегда интересуется моими успехами, и я стараюсь всё делать и в спорте, и в учебе по максимуму. Своими поступками стараюсь не огорчать ни дедушку, ни бабушку.

Он мне говорил: «Саш, главное – стать человеком хорошим, а потом профессия». Он научил меня практически всему: от того, как вбить гвоздь, до того, как поменять колёса на машине.

Я хотел бы, чтобы дедушка и бабушка жили вечно.

В. П. Гилёв –
депутат Сузунского райсовета,
выпускник сельхозинститута
1979 г.

В. Г. Гилёва – выпускница
сельхозинститута 1983 года

Дочери Оля
и Наташа.
(1977 г.)

Семья. В. П. Гилёв – молодой директор откормочного совхоза «Холодненский» (1983 г.)

Дочери Оля и Наташа

С детьми на природе (1992 г.)

Дочери Оля и Наташа

Семейное фото 1988 г.

Первенец – внучка Настенька.
Слева – дочь Наташа, справа – жена Валентина Григорьевна

Внук Александр

Внучка Ева

Внук Саша

Внуки Максим и Ева

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Виктор Гилёв. От автора</i>	3
<i>«Уходят в прошлое деревни...» Стихотворение</i>	4
<i>Сергей Аксёненко. Вместо предисловия.</i>	
Родственная душа	5
Дети и внуки	8
Мои родители	9
И ещё о немцах	23
Детство и отрочество	24
Наставники	31
А теперь – про любовь	36
Пленум обкома партии	38
Судьба и люди	42
Совхоз «Сузунский»	44
«Сельхозтехника»	54
Битки	59
Пруды	67
Технология успеха	69
Битковский маслосырзавод	72
Болтовский маслосырзавод	75
Укрупнение	76
О специалистах	79
Перестройка	82
Такая у нас «демократия»	89
Счастливая судьба	102

СЛОВО О ДРУГЕ

Аксёненко Сергей Васильевич	103
Тыртышный Владимир Иванович	109
Архипов Сергей Николаевич	110
Кисловец Михаил Антонович	113
Попрыга Олег Леонидович	116
Севрюженко Андрей Борисович	119

МОЯ СЕМЬЯ

Гилёва Валентина Григорьевна, супруга	133
Гилёва Наталья Викторовна	144
Гилева Ольга Викторовна	151
Иванищенко Анастасия, внучка	154
Гилёв Александр, внук	155

Гилёв Виктор Павлович
ИДУЩИМ ВСЛЕД
Автобиографическая повесть

Корректор Ярков В.И.
Верстка Вялкова О.Н.

Сдано в набор 19.03.2021. Подписано в печать 24.05.2021.
Формат: 84x108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Заказ №

Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»
Тел./факс (383) 292-00-42. E-mail: id-ins@cn.ru